

И. Князев, О. Строгов

Анатомия статуса

2010 г.

1. Введение

В этой статье речь пойдет о таком трудноуловимом, почти нематериальном предмете, как социальный статус. Все интуитивно понимают, что это такое, но дать определение статуса нелегко. Еще труднее описать его свойства как особого объекта исследования, неразрывного связанного с человеком, но обладающего определенной независимостью от своего носителя. И уж совсем неочевидной выглядит связь индивидуального статуса с социальной жизнью общества в целом, с его разделением на противоборствующие группы с собственными интересами.

Несмотря на все сложности, исследование статуса совершенно необходимо. В связи с тем, что в настоящее время институт частной собственности постепенно приходит в упадок, распределение материальных благ все более и более определяются непосредственными взаимоотношениями людей. В большинстве случаев это происходит не напрямую, а с использованием сложных психологических процессов, основанных на манипулировании статусом. Поэтому в наши дни социальная психология имеет не меньшее значение, чем политэкономия при Марксе.

Будучи по профессии не психологами, а инженерами, авторы заранее должны извиниться за возможное наличие в нашей работе ошибок, которые бы ни за что не допустили специалисты. Тем не менее, мы решили рискнуть, так как не нашли в прочитанной литературе сколь-либо удовлетворительного объяснения многим повседневно наблюдаемым явлениям, а именно связям между статусом отдельного человека и современной структурой общества. Более подробно эта структура была нами изложена в предыдущих статьях и кратко может быть сведена к наличию двух классов — суперстатусного и субстатусного, причем социальный статус первого путем разнообразных психологических манипуляций искусственно завышен по отношению к статусу второго. Вот мы и попробуем выяснить, как такое могло произойти.

2. Определение статуса

Здесь и далее под социальным статусом мы будем понимать признанное обществом право индивида (или группы людей) на долю произведенных обществом материальных благ, получаемое неэкономическими методами. В обществе, где такое право является господствующим, материальные блага с помощью тех или иных, весьма разнообразных способов распределяются между людьми пропорционально их статусу. При этом мы не ограничиваем блага предметами изучения экономики, то есть вещами и деньгами. Материальные блага в широком смысле — это все, что удовлетворяет потребности человека, производится им и потребляется в том или ином виде. Материальные блага могут быть вещественными, информационными и этическими.

Назначение и содержание вещественных благ очевидно и не нуждается в комментариях. Информационные блага — это доступ человека к информации любого рода. Этические блага представляют собой признаки отношения к человеку со стороны общества. Похвала или выговор ребенку, орден или лишение такового, возможность/невозможность в полной мере реализовать свои способности — все это этические блага. Как нетрудно заметить, они могут быть позитивными (признание ценности индивида) и негативными (признание никчемности в глазах общества). Ни вещественные, ни информационные блага таким свойством не обладают. Другой особенностью этических благ является их относительность — они зависят от мнения общества не только о данном человеке, но и о других людях. Если похвалили всех, то не похвалили никого. Если все вокруг Герои СССР, то это звание утрачивает ценность.

Этические блага служат для нас самым первым «индикатором» статуса. Попадая в любой социум, будь то школьный класс или коммерческая фирма, мы буквально с первых минут начинаем понимать, кто из нашего окружения каким статусом обладает. Это первичное понимание складывается из тысячи примет. Интонации, малозначительные реплики, даже жесты могут рассказать нам о сложившейся в группе иерархии. Все они несут в себе определенную информа-

цию, которую мы воспринимаем непосредственно, без подключения логического анализа.

Выделяемые члену социума этические блага позволяют наблюдателю определить статус этого члена. Но, в тоже время, этические блага изменяют (повышают или понижают) статус. Следовательно, и сам статус является не чем иным, как информацией. Не будучи нигде напрямую зафиксированной, она проявляется в таких категориях, как доверие к человеку, уважение, восхищение им, готовность соглашаться с его мнением или хотя бы прислушиваться к нему и т. п. Людей с высоким статусом назначают на руководящие должности, день-деньской показывают по телевизору, их приглашают на корпоративные праздники и хотят видеть в качестве идеальных супругов. Соответственно, люди с низким статусом тянут ляжку рядовых сотрудников, их не узнают в лицо на улицах и не приглашают сниматься в «Доме-2».

Почему так происходит, в чем корни связывающих и разделяющих нас статусных отношений? Самым легким ответом было бы объявить статус наследием животного происхождения человека. Ведь из биологии нам известны многочисленные примеры иерархий среди животных: пчелиная семья, львиный прайд, стая обезьян и т. п. Однако, зоопсихология прямо указывает на неприемлемость такого подхода. «Представления о том, что иерархические отношения, существующие у людей, берут начало в поведении обезьян, неверны» (Топчий М. В., «Зоопсихология и сравнительная психология», 2005 г.). По всей видимости, организация связанных иерархией сообществ есть стандартная реакция многих (если не большинства) живых существ на необходимость выживания. В упомянутой выше работе М. В. Топчий говорит: «Как показывают многочисленные наблюдения, строго одиночных видов практически не существует. В определенные периоды жизни все животные так или иначе контактируют с представителями своего и чужих видов, а часто образуют более или менее устойчивые и организованные сообщества». Конкретные формы таких сообществ, и, соответственно, скрепляющие их взаимоотношения, исключительно разнообразны. При этом отличия и сходства животных сообществ не связаны напрямую ни

со степенью эволюционной близости между сравниваемыми видами, ни с уровнем их биологической организации. Структура пчелиной семьи бесконечно сложнее и совершеннее волчьей стаи, но сам волк представляет собой куда более сложный организм, чем пчела. Можно было бы поддаться искушению предположить наличие обратной связи между совершенством сообщества и отдельного представителя вида, но медведи и волки биологически одинаково совершенны (принадлежат к высшим млекопитающим), однако стайный образ жизни ведут только волки. В общем, следует заключить, что непосредственная реализация механизма повышения выживаемости путем организации сообществ зависит от конкретного способа выживания данного вида и не зависит (или мало зависит) от филогенеза.

Мы приносим извинения читателям за экскурс в животный мир, но зависимость между способом выживания и способом организации сообществ имеет для нас важнейшее значение. Способ выживания *Homo sapiens* принципиально отличается от практикуемых другими видами и заключается не в приспособлении к окружающей среде, а в ее преобразовании. Иными словами, в создании культуры, под которой в самом широком смысле мы понимаем все сделанное человеком. Поэтому можно считать, что статусные отношения между людьми являются, в первую очередь, порождением культуры, взятой во всей сложности, противоречивости и длительности ее истории. Этот вывод мог бы показаться схоластическим упражнением, если бы не насущная необходимость искоренения практики присвоения статуса. Раз источником статусных отношений является культура, то ее изменения (понимаемые, опять же, максимально широко, в политическом, технологическом и этическом аспектах) теоретически позволяют изжить статусную эксплуатацию.

По всей видимости, отношения статуса сложились на самых ранних этапах эволюции человека в процессе трудового взаимодействия. Под трудом мы здесь понимаем не только производительную, но и любую другую целесообразную необходимую деятельность человека, включая защиту от диких животных и себе подобных, религиозные культы и т. п. Иными словами, отношения статуса

изначально представляли собой производственные отношения. Их порождала необходимость организации трудового процесса группы первобытных людей и необходимость распределения продуктов труда сообразно роли каждого в их получении.

В обоснование нашего предположения можно привести тот факт, что все социумы, в которых проявляются отношения статуса, так или иначе связаны с трудом. Действительно, общность людей возникает на базе:

— собственно труда (производственные коллективы, государства, семья как хозяйственная ячейка);

— имитации труда (игры, включая спорт как имитацию самых древних, первобытных занятий и войн);

— «бегства» от труда (отдых), представляющего собой диалектическую противоположность труду и, следовательно, неразрывно с ним связанного.

Единственная область жизни, не попадающая ни в одну из перечисленных категорий — это половые взаимоотношения, полностью освобожденные от хозяйственного уклада. Но, как мы покажем далее, отношения статуса возникают только там, где взаимодействуют более двух человек. Поэтому мы утверждаем, что все статусные отношения порождены трудовой деятельностью человека, хотя конкретные пути их возникновения теряются в глубинах истории. Со временем, по мере роста разнообразия в жизни людей, эти отношения также становились шире, охватывая все новые и новые области человеческого взаимодействия, они нередко отрывались от трудового процесса в его узком понимании, но никогда не теряли связи с культурными явлениями, имеющими труд своей основой.

Суждения о статусных отношениях в первобытные времена могут быть верными лишь в той мере, в которой верны наши представления об этих временах. Тем не менее, можно с большой долей уверенности предполагать, что распределение статуса в каменном веке было, в большинстве случаев, заслуженным. Этому способствовали небольшой размер общин, в которых каждый был на виду у соплеменников от рождения и до смерти. Таким образом, статус мог

достаточно точно распределяться в соответствии с тем, что человек реально сделал для общины. Отсутствие классового размежевания и, как следствие, специальных групп людей для его поддержания (дружин вождей) затрудняло присвоение статуса путем грубой силы — желающий попробовать был бы вынужден противопоставить свою физическую силу всем остальным с предсказуемыми последствиями. Если исходить из представлений о матриархальных отношениях в общинах каменного века, то самым высоким статусом должны были обладать пожилые, наиболее плодовитые женщины. Из мужчин высоким статусом пользовались лучшие воины и охотники, первый из которых становился «главой мужчин». Возможно, высоким статусом обладали старики, уже не способные охотиться, но выполнявшие общественно важную функцию «памяти» племени. Несомненно, почитались служители «сверхъестественных» сил вроде шаманов. При всем этом даже большая разница статусов в первобытном обществе не могла привести к большой разнице потребляемых вещественных благ из-за крайней их скудости. Поэтому люди с высоким статусом довольствовались соответствующими этическими благами в виде общего уважения.

Итак, исходными производственными отношениями являлись такие, которые были основаны на оценке человека другими людьми, а не на владении чем-то. Будучи самыми древними производственными отношениями, отношения статуса стали и самыми длительными — они господствовали на протяжении миллионов лет от начала трудовой деятельности человека до неолита. Только в самом конце каменного века или в начале века металлов зарождаются новые производственные отношения, связанные с собственностью. Это было вызвано повышением производительности труда и появлению более-менее ощутимого прибавочного продукта. Постепенно отношения собственности полностью вытеснили отношения статуса из сферы распределения материальных благ, и, частично, из других областей межчеловеческого взаимодействия. Отношения собственности проникли в семью, досуг, культуру, но полностью уничтожить отношения статуса здесь не смогли.

Можно предположить, что смена отношений статуса отношениями собственности имела более сложный вид, чем простое замещение. По-видимому, в переходный период резко развилось присвоение статуса. Его присваивала, прежде всего, формирующаяся военно-дружинная знать, ставшая достаточно многочисленной именно в силу увеличения прибавочного продукта. Подтверждение этому предположению мы можем наблюдать «в режиме реального времени». В 90-х годах в России, на территории национальных автономий потерпела полный крах искусственно созданная там индустриальная экономика. Крах был вызван националистическим террором против русского населения, которое работало на технически сложных предприятиях. Вернувшись к столь сладостным «национальным истокам», аборигены возродили и социальные отношения времен распада родоплеменного строя. Эти отношения господствуют сейчас как в самих автономных республиках, так и в национальных диаспорах крупных городов России. Социальные отношения «современных дикарей» представляют собой причудливую смесь отношений статуса и собственности. Внутри семьи статус практически не присваивается: старики окружены почетом, а молодежь полностью им подчиняется. На уровне общины наличествует присвоение статуса со стороны агрессивных молодых мужчин, составляющих вооруженную силу кланового вождя. Во взаимоотношениях с другими общинами той же национальности большую роль играют товарно-денежные отношения. И, наконец, по отношению к представителям других национальностей практикуется наглое присвоение статуса и утверждение собственного превосходства. Это присвоение не встречает никакого противодействия со стороны государственной власти, также основанной на присвоении статуса и являющейся социально близкой обнаглевшим кавказским беспредельщикам. Последствием насаждения «толерантности» по отношению к дикарям стал несправедливо, в ущерб русским, завышенный статус «маленьких, но гордых народов», который на Манежной площади и после нее защищала вся сила репрессивного аппарата.

Производственные отношения, основанные на собственности, последовательно эволюционировали на протяжении классовых общественно-

экономических формаций от античной до капиталистической. Их вершиной стал монополистический капитализм с присущими ему денежным и товарным фетишизмом. В посткапиталистическом мире, в связи со снижением значимости частной собственности, произошло «отрицание отрицания» статусных производственных отношений и они снова стали на повестку дня. Поэтому отношения собственности должны рассматриваться как временное явление, предшествуемое и сменяемое имманентно присущими человеческому обществу отношениями статуса. Можно прогнозировать, что отношения собственности после перехода производительных сил к «экономике изобилия» отомрут, а отношения статуса сохранятся на протяжении всей будущей истории. Полный отказ от них невозможен даже при гипотетическом изобилии вещественных благ без трудового взаимодействия с другими людьми (ну, вдруг получится создать наноскатерть-самобранку?), так как этические блага, в силу их природы, производятся только обществом.

В разные периоды истории основанные на статусе производственные отношения играли как передовую, так и реакционную роль. Освященные тысячелетней традицией статусные отношения тормозили переход от первобытности к классовому обществу и, следовательно, были в то время реакционными. Значительную роль играли отношения статуса в русской крестьянской общине, в «мире», устойчивость которого (наряду с другими факторами) задерживала переход России к капиталистическому обществу и в какой-то мере предопределяла характерное для нашей страны отставание от Европы и Америки в 17—19 веках. Одновременно, в качестве диалектической противоположности, свойственная «миру» оценка человека в соответствии с его наблюдаемыми достоинствами и недостатками обостряла чувство социальной справедливости и немало способствовала революции 1917 г. При переходе от капитализма ко всем формам посткапиталистического общества (советской и современной западной) отношения статуса были передовыми и продолжают оставаться ими по сей день, несмотря на практику присвоения статуса.

3. Свойства статуса

Информация, которую мы называем статусом, обладает особыми свойствами. Мы насчитали 12 таких свойств. В связи с тем, что в вопросе изучения статуса терминология пока не устоялась, авторам приходится изобретать ее на ходу, невзирая на неизбежное несовершенство. Свойства статуса получили следующие условные названия: «конкретность», «единство», «значимость», «иррациональность», «неформализуемость», «этичность», «равнозначность», «относительность», «структурность», «театральность», «наследуемость» и «изменчивость». Ниже эти свойства описаны более подробно.

1. *Конкретность*. Статус человека может быть определен только для конкретного социума, статуса «вообще» не существует. Поскольку каждый из нас является одновременно членом нескольких социумов, соответствующие статусы могут испытывать взаимное влияние. В общем случае, социумы с нашим участием могут быть:

- изолированными;
- взаимодействующими;
- вложенными.

Под взаимодействием социумов мы подразумеваем их совместную деятельность, приводящую к взаимным изменениям. Строго говоря, все социумы являются взаимодействующими, но в ряде случаев их совместная деятельность настолько эпизодическая, а изменения столь малы, что ими можно пренебречь и считать социумы изолированными. В этом случае статус индивидуума (*И*) в каждом из социумов (*st1*, *st2*) является независимым (рисунок 1).

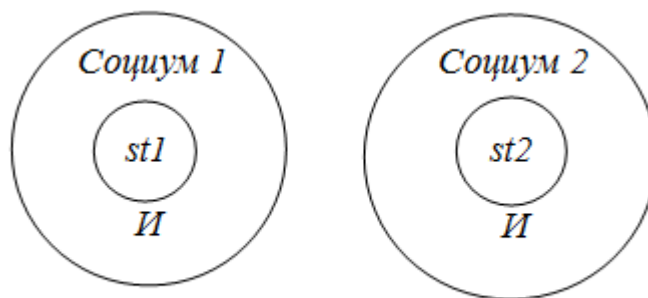

Рисунок 1

В качестве примера можно привести человека, включенного в два социума — по месту работы и по месту отдыха. В первом случае он третий помощник младшего клерка, во втором — участник ролевой игры по мотивам романов Дж. Толкиена, светлый эльф Леголас. В офисной толчее успехи третьего помощника невелики, однако в лесах Средиземья он славится как непревзойденный мастер фанерного меча. Следовательно, статус эльфа в первом социуме будет меньшим, чем во втором:

$$st1 < st2,$$

но ни коллеги Леголаса по офису, ни партнеры по игре не будут об этом знать. Неудивительно, если наш Леголас из двух социумов будет предпочитать тот, в котором он имеет больший статус, даже если этот социум ближе к эфемерным фантазиям, чем к действительности. Точно так же другие люди предпочитают социальные компьютерные сети живому общению, так как в них проще добиться высокого статуса. Отметим кстати, что само введение ранжирования по статусу в социальных сетях говорит о ясном понимании их создателями реалий современного общества, чего нельзя сказать о российской коммунистической (и, подавно, антикоммунистической) оппозиции, заиклившейся на понятийном аппарате 19 века.

Если социумы являются взаимодействующими, то статусы индивидуума в них также взаимозависимы (рисунок 2).

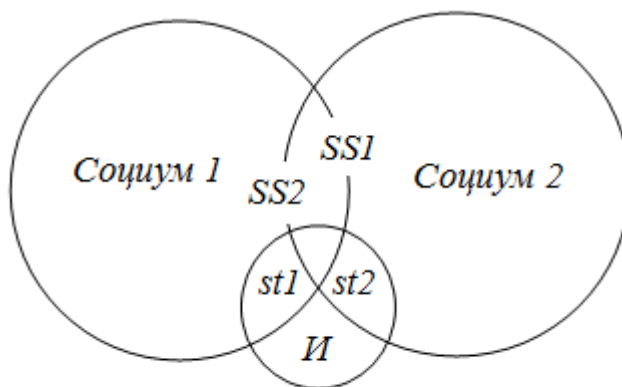

Рисунок 2

Здесь:

$st1$, $st2$ — собственный статус индивидуума в первом и втором социуме соответственно;

$SS1$ — статус социума 1 в социуме 2;

$SS2$ — статус социума 2 в социуме 1.

Статус индивидуума в каждом из социумов складывается из его собственного статуса в этом социуме, статуса во взаимодействующем социуме и статуса этого социума. Никакие математические операции не могут быть корректными применительно к статусам, т.к. статус является неформализованной и, следовательно, не обладающей количественной мерой информацией. Тем не менее, с чисто иллюстративными целями можно записать формулы для «полного» статуса:

$$ST1 = st1 + SS2 \times st2$$

$$ST2 = st2 + SS1 \times st1$$

Выражения вида $SS_i \times st_i$, применив аналогию из механики, можно называть «переносным» статусом. Таким образом, полный статус человека в каждом из взаимодействующих социумов складывается из собственного статуса в данном социуме и статуса, перенесенного из других социумов. Из этого следуют два важных вывода:

— принадлежа к нескольким взаимодействующим социумам, можно значительно повысить свой статус;

— статус человека тем выше, чем к большему числу взаимодействующих социумов он принадлежит.

Примером повышения статуса за счет принадлежности к нескольким взаимодействующим социумам являются коррумпированные чиновники, наживающиеся за счет организации отношений государства и частного предпринимательства. Эти чиновники равно уважаемы и востребованы государством, бизнесом и преступным миром. Но если хотя бы в одном социуме статус чиновника падает (как у «утратившего доверие» московского мэра), его статус снижается и во всех остальных.

Вложенные социумы образуются, если все члены социума 2 принадлежат и к социуму 1, но не все члены социума 1 входят в социум 2. Вложенные социумы по определению являются взаимодействующими. Если индивидуум принад-

лежит к социуму 2 (рисунок 3), то его статус в этом социуме не зависит от статуса в социуме 1, поскольку для социума 2 принадлежность к социуму 1 выполняется «по умолчанию» и не имеет значения для взаимной оценки. А вот для социума 1 принадлежность к социуму 1 весьма важна и влияет на статус.

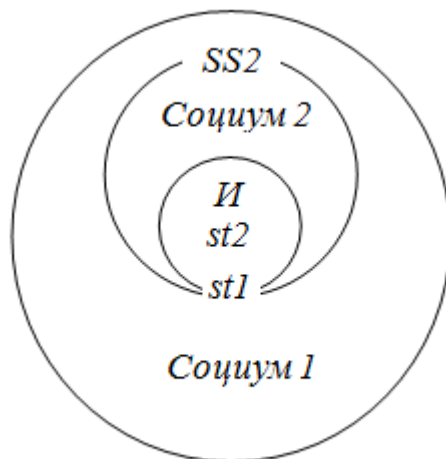

Рисунок 3

Следовательно, можно записать

$$ST1 = st1 + SS2 \times st2$$

$$ST2 = st2$$

Если индивидуум входит только в социум 1 (рисунок 4), то имеет место другая картина:

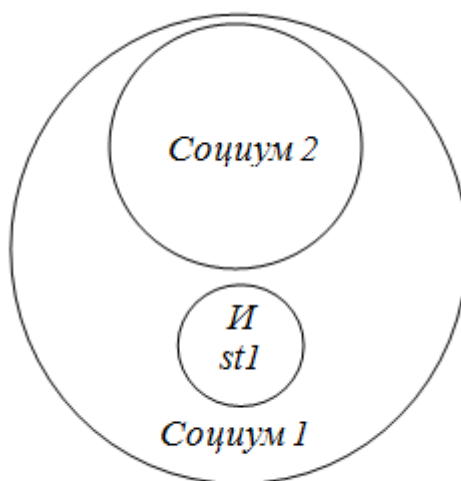

Рисунок 4

$$ST1 = st1$$

$$ST2 = st2 = 0$$

На примере вложенных социумов можно сформулировать следующее правило: переносится только тот статус, которым не обладают все члены данного социума. Иными словами, для обмена статусами должно наличествовать их различие, что вполне логично. Очевидно, это справедливо и для случая взаимодействующих социумов (рисунок 2). Если бы статусы социумов SS1 и SS2 были равны, то перенос бы не происходил и, с точки зрения статуса, взаимодействующие социумы были бы равнозначны изолированным.

Рассуждения о различных видах взаимодействия социумов представляют не только теоретический интерес. Из них следуют конкретные рекомендации по методике повышения статуса. Во-первых, следует крепко-накрепко запомнить: горе одиночке! Несмотря на то, что вся современная культура пропитана культом одинокого главного героя (мы еще поговорим об этом ниже), высокого статуса можно добиться только путем объединения. Во-вторых, недостаточно просто создать некую группу, она должна:

- взаимодействовать с другими социумами (не должна быть маргинальной);
- иметь собственную индивидуальность для создания разницы статусов с другими социумами.

Только при выполнении всех этих условий есть шанс, что ваш статус вырастет за счет переноса статуса группы. Один из авторов в шутку назвал подобный путь повышения статуса «методом Гарри Поттера», который в одном из фильмов сколотил свою «армию» в противовес силам зла.

Разобравшись со свойством конкретности статуса, перейдем к другим.

2. *Единство*. Речь идет о невозможности разделить понятия объективного и субъективного по отношению к статусу. Если мы выражаем субъективное мнение по поводу своего или чужого статуса, мы тем самым изменяем его. На этом свойстве основаны способы перераспределения статуса путем клеветы и распускания слухов.

3. *Значимость*. В социуме статус любого из членов не может быть нулевым. Нулевым является только статус людей вне данного социума. Обратное

тоже верно — если человека, с вашей точки зрения, имеет хоть какой-то статус (это определяется наличием внимания к нему даже на короткое время), то вы автоматически причисляете его к одному с вами социуму. Если же учесть, что в современном обществе распределение материальных благ происходит в соответствии со статусом, то среди нас практически отсутствуют люди, которые ничего не получают от общества. Вспомним, что еще в начале 20 века в России, в Европе и США было множество примеров голодных смертей при общественном благосостоянии, позволяющем прокормить всех без исключения. Теперь же институты социальной помощи получили такое развитие, что в США и Западной Европе сформировались целые социальные группы принципиально не желающих работать и существующих только за счет щедрости государства.

4. *Иррациональность.* Статус воспринимается «в обход» рационального мышления. Мы не знаем причину этого и можем только выдвинуть предположение, что отношения статуса сформировались в прачеловеческом обществе раньше, чем рационально-логический (вербальный) тип мышления. Иррациональность восприятия статуса ведет к возможности его присвоения путем специфических психологических манипуляций — созданием запланированных ассоциаций, управлением эмоциями и др. Одновременно снижается эффективность традиционного логического убеждения и аргументирования, что сильно затрудняет научную дискуссию и усиливает мифологизированность как индивидуального, так и общественного сознания. В качестве примера приведем навязшую в зубах тему «сталинских репрессий»: несмотря на многочисленные публикации архивных документов, миф о «десятках миллионов расстрелянных» ничуть не поколеблен. Другим примером может служить лженаука вроде «новой хронологии» или «торсионных полей». И то, и другое было многократно опровергнуто настоящими учеными, но полки книжных магазинов прогибаются от переиздаваемых и находящих своих покупателей идиотских опусов.

5. *Неформализуемость.* Информация о статусе индивидуума не фиксируется ни на каких носителях. Она сродни безликим «говорят» или «существует мнение». Ни у кого нет документа, напрямую фиксирующего его статус — есть

только документально подтвержденные права на получение тех или иных благ. Единственное исключение составляет армия, где звания практически соответствуют статусу. Ведомость заработной платы, пенсионное удостоверение, право на обслуживание вне очереди, государственные награды и сувениры от коллег по работе — это лишь признаки статуса, его тени. В силу неформализуемости на статус не распространяется обычное свойство информации — тиражируемость. Следовательно, статус нельзя подделать, его можно только присвоить.

Впрочем, статус до определенных пределов может быть сымитирован за счет обладания статусными благами, вещественными и невещественными. В СССР из вещественных благ можно было хвалиться квартирой улучшенной планировки, хрустальной люстрой и «Жигулями», в России их место заняли особняк на Рублевском шоссе, люксовый мобильник и «Бентли». В СССР было престижным слушать «Голос Америки» и иметь право часто выезжать за границу, в России же эти невинные хотелки трансформировались в приглашение на презентацию новой книги «раскрученного» автора и возможность приобщиться к полулегальным удовольствиям вроде тайландских секс-туров. Владение статусными благами несколько повышает реальный статус, хотя и не является определяющим, поскольку для полного отражения статуса надо обладать не каким-либо одним, а целой совокупностью статусных благ определенного уровня.

6. *Этичность.* Статус неразрывно связан с этическими благами, получаемыми индивидуумом. Мы уже писали, что к статусу неприменимы арифметические операции, но для наглядности можно считать статус суммой этических благ. Обратное тоже верно — чем выше статус, тем большее количество положительных этических благ получает его обладатель. Если вы хотите повысить свой статус, не скупитесь на похвалы членам социума, к которому принадлежите. «Кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку» написано задолго до нас.

Этические блага зависят от того, какие нравственные ценности господствуют в обществе. При изменении ценностей или при переходе человека в социум с другими нравственными нормами его статус может радикально изме-

ниться. Например, статус ударника социалистического труда, весьма высокий в СССР, в современной России не значит ничего. Сейчас гораздо почетнее не трудиться, а кривляться с телеэкрана. Как же, «творческая личность», а все, кто с этим не согласен — «бездарные завистники»!

7. *Равнозначность*. Равные статусы приносят равное количество материальных благ вне зависимости от того, заслужен статус или нет. Свойство равнозначности открывает широкое поле для присвоения статуса.

8. *Относительность*. В силу отсутствия в социуме индивидуумов с нулевым статусом, статус человека определяется относительно члена социума с минимальным статусом. Если статус «точки отсчета» повышается, то статус в социуме начинает заново отсчитываться от того, кто окажется в самом низу иерархии. Когда в социуме появляется новый член с минимальным статусом, это очень радует остальных, так как дает им возможность продвинуться ступенькой выше. Иллюстрацией могут служить перестановки в неуставных армейских отношениях, следующие за приходом в часть новобранцев.

Таким образом, статус по своей сути есть разность, разница между нами и другими, которую мы склонны увеличивать или, на худой конец, поддерживать неизменной. Для этого существуют два пути — совершить что-то, что повысит твой статус, или понизить статус окружающих. К сожалению, второй путь более легкий.

Относительность статуса ведет к тому, что при повышении статуса одних статус других понижается. Так, в рассмотренном примере с новобранцами повышается статус у старослужащих, а понижается у новичков: из полноправных школьников и балованных членов семьи они становятся третируемыми «духами». Поэтому относительность статуса очень остро ставит вопрос о заслуженности и незаслуженности его повышения и ведет к появлению в обществе антагонистических противоречий. В свою очередь, наличие статусных противоречий между индивидуумами или группами влияет на проявления свойства относительности. При изменении статуса одного из членов социума изменяется статус всех остальных его членов, но не в равной мере. В наибольшей степени измене-

ния касаются тех, кто между собой конкурирует за статус. Эту особенность мы назвали «эффектом направленности». Он дает возможность опытным в статусной возне интриганам целиться в одного человека, но поражать другого, вроде бы недоступного их проискам.

9. *Структурность*. Статус зависит от численности и структуры нижестоящих уровней иерархии. Чем иерархия многочисленнее и сложнее, тем больше статус ее верхнего звена. Поэтому все бюрократы обожают увеличивать штат и запутывать его организацию. Заместители, помощники заместителей и заместители помощников плодятся быстрее, чем дрожжи в сахарном сиропе. Разность статусов между различными уровнями иерархии является переменной величиной. В инженерных организациях, например, статус рядового квалифицированного сотрудника меньше отличается от статуса начальника первичного подразделения (сектора, группы), чем статус этого начальника от статуса руководителя вторичного подразделения (отдела). От уровня к уровню статусная разница растет и достигает максимума где-то к середине иерархии, между начальниками самых крупных тематических подразделений и младшими заместителями и помощниками Самого. На верхних этажах статусная разница снова уменьшается: вице-президент компании может иметь статус лишь немногим меньший, чем президент.

10. *Театральность*. Это свойство статуса демонстрирует его принципиальное отличие от силового доминирования. Будучи, по своей сути, неформализованным правом, статус не может существовать без арбитра. Отношения статуса (в частности, конфликт из-за него) реализуются не непосредственно между людьми, а между каждым из них и обществом. При этом общество в данный конкретный момент может об этих отношениях не знать и вообще не присутствовать — его вполне заменяют фантазии о возможной реакции людей на поведение сторон в конфликте. Не секрет, что в семейных ссорах муж и жена часто апеллируют к родителям, как явно, так и в виде мыслей вроде «Если я ей уступлю, то отец скажет, что я не мужик, а тряпка и подкаблучник». В этом случае

арбитром должен стать отсутствующий на поле брани отец, может быть, даже уже умерший!

Таким образом, отношения статуса возможны только при выполнении «правила трех»: должны присутствовать, как минимум, два непосредственных участника и еще один человек в роли социума. Если конфликт протекает совершенно без участия социума, то он превращается в элементарную борьбу за доминирование, исход которой зависит от физической и психологической силы оппонентов. Но подобный вариант может рассматриваться лишь в качестве теоретического, поскольку невозможно найти человека, от рождения и до момента конфликта не контактировавшего с обществом.

Театральность статуса, превращающая личный конфликт в общественный, очень сильно способствует его обострению. По нашим наблюдениям, статусные конфликты по непримиримости оставляют далеко позади борьбу за собственность.

11. *Наследуемость*. Статус передается по наследству. Высокий статус родителей гарантирует детям столь же высокий статус и соответствующий уровень благ. Но наследование статуса не ограничивается родством. Его могут повысить все, так или иначе причастные к жизни обладателя высокого статуса (в частном случае — действительно выдающегося человека). Не только жены и дети, но и заместители, секретари и шоферы пишут мемуары, выступают в телевизионных передачах на тему «я и Он». «Он» уже давно в кремлевской стене, а его статус до сих пор растаскивается стаей шакалов. Особо отвратительно это выглядит, когда в роли шакалов, паразитирующих на памяти великого ученого или инженера (например, С. П. Королева), выступают его преемники, приложившие все свое бюрократическое умение для изгнания из отрасли или научного направления того живого, творческого духа, который титан оставил после себя.

12. *Изменчивость*. Статус человека постоянно изменяется, даже если он сам не прикладывает к этому никаких усилий. Это происходит из-за изменения статуса других людей и в силу свойства относительности. Изменения статуса определяются взаимоотношениями, устанавливающимися между людьми. Во-

просы изменения статуса в процессе взаимоотношений настолько важны и объемны, что мы посвятим им несколько следующих разделов статьи.

4. Присвоение статуса

То, что статус человека в социуме определяется его отношениями с другими членами социума, очевидно. Но эти отношения не статичны, оно постоянно меняются. В их изменениях невозможно различить причину и следствие. Уже имеющийся статус формирует определенные взаимоотношения, а они, в свою очередь, изменяют сам статус. Картина усложняется: в ходе взаимодействия меняется статус всех его участников, один и тот же процесс многократно повторяется и становится уже трудно определить, что именно вызвало рост или понижение статуса индивидуума.

Цепочка превращения статуса во взаимоотношения и обратно может быть проиллюстрирована следующей «формулой»:

$$St \rightarrow B \rightarrow St^*$$

где St^* — новый статус, отличающийся от исходного.

Понятие «взаимоотношения» включает в себя очень многое — от невинных фраз вроде «Привет! Как дела?» до научных открытий, способных принести пользу всему человечеству. В зависимости от содержания взаимоотношений, изменение статуса в результате их является справедливым или несправедливым. Критерий справедливости здесь элементарен — это польза, приносимая обществу носителем статуса. Если повышается статус героя, ученого, изобретателя, просто честного и порядочного труженика, то это справедливо. Если повышается статус бандита, бездельника, плагиатора — несправедливо. Предвидя упреки в утилитарности подобного подхода, напомним, что мы рассматриваем отношения статуса, прежде всего, как производственные отношения, для которых понятие пользы вполне естественно. Впрочем, мы не наблюдаем противоречия между полезностью и, например, порядочностью — по личным наблюдениям, подлец никогда не бывает хорошим работником. А вот тунеядец, почему-то, всегда трус и подлец...

Если изменение статуса несправедливо, то соответствующие взаимоотношения представляют собой эксплуатацию одних людей, чей статус занижается, другими людьми, чей статус завышается. А поскольку, как мы писали в самом начале статьи, произведенные обществом материальные блага распределяются в соответствии со статусом, то результат статусной эксплуатации точно такой же, как у феодальной или капиталистической — незаслуженное изобилие благ на одном социальном полюсе и недостаток на другом.

Нетрудно заметить сходство статуса с капиталом в его марксистском понимании. Источником и того, и другого является труд, в случае капитала овеществленный, в случае статуса — получивший нравственную оценку в глазах общества. В обоих случаях труд присваивается: напрямую в виде прибавочной стоимости или через присвоение статуса. Равные капиталы приносят равную прибыль, равные статусы — равные материальные блага.

Капитал является овеществленным трудом, позволяющим присваивать новый труд. Кстати, приведенная выше «формула» изменения статуса через взаимоотношения имеет сходство с формулой обращения капитала, в ходе которого и осуществляется присвоение труда:

$$Д \rightarrow T \rightarrow Д^*$$

где:

$Д$ и $Д^*$ — исходные и увеличенные за счет присвоения труда деньги;

T — товар.

Аналогично капиталу, существует статус, позволяющий присваивать новый статус. В статье «**Классы в постиндустриальном обществе**» мы назвали такой статус «понтами», а их владельца — «понтуалистом». Именно «понты» в дальнейшем будут предметом нашего внимания. Мы приносим извинения всем тем, кто не присваивает, а честно зарабатывает свой статус: ученым, инженерам, учителям, врачам, талантливым художникам и писателям. Извините, друзья, мы будем писать не о вас, а о ваших врагах, чтобы дать вам оружие против них. О вас еще много напишут — после победы.

В чем причина присвоения статуса? Не следует относить его на счет какой-то особой порочности человека. Основными причинами являются возможность присвоения и естественное желание человека жить лучше. В принципе, такое желание может быть реализовано разными путями, например, честным трудом на благо общества или прямым воровством. Но труд тяжел, а воровство не поощряется как нравственными нормами, так и уголовным законодательством. А вот присвоение статуса относительно легко и не слишком (пока что!) осуждается обществом. Следовательно, когда для присвоения статуса сложились подходящие условия, то есть когда общество перешло к информационной (постиндустриальной) стадии развития и ослаб институт частной собственности, присвоение статуса стало самой эффективной формой эксплуатации. И вполне приемлемой для людей, чей нравственный кодекс не запрещает достижение собственных целей за счет других. Более того, к статусной эксплуатации могут прибегать люди, чья совесть не позволила бы им пользоваться трудом рабов или крепостных, то есть в целом гораздо лучшие, нежели средневековые «рыцари без страха и упрека». В историческом плане налицо не моральная деградация, а моральный прогресс, что, конечно, не делает присвоение статуса более терпимым.

Используем аналогию статуса с капиталом, чтобы лучше понять пути его присвоения. Можно выделить следующие этапы деятельности понтуалиста:

- первоначальное накопление;
- использование накопленного статуса для дальнейшего присвоения;
- перераспределение накопленного статуса в пользу лиц с еще большим статусом.

Первоначальное накопление статуса складывается из двух составляющих — накопление статуса социальной группой и накопление статуса индивидуумом, принадлежащим к этой группе. В предыдущих статьях мы отнесли к таким социальным группам бюрократию и медиакратию. Под бюрократией понимаются люди, основную часть деятельности которых составляет управление деятельностью других людей и которые при этом обладают полномочиями принятия

хотя бы самых незначительных решений. Медиакратия состоит из всех, чья работа заключается в оказании влияния на широкие массы народа. Это, в первую очередь, сотрудники СМИ, затем популярные писатели, актеры, создатели рекламы, служители культов и т. п. Медиакратия является частью более обширной коммуникативной социальной группы, которую мы определили как совокупность всех тех, чья работа сводится к созданию законченной товарной информации. Кроме медиакратии, в коммуникативную группу входят юристы, консультанты по всем мыслимым вопросам, ученые гуманитарных специальностей и многие другие. Бюрократии и медиакратии противостоят научно-техническая и гуманитарная социальные группы. Последняя имеет своей задачей «создание» отвечающей современным требованиям рабочей силы и состоит из учителей и врачей.

Процесс накопления статуса бюрократией и медиакратией был описан нами в статье «Происхождение и перспективы общества статуса». Что касается накопления статуса индивидуумом, то для него существует один-единственный путь: присоединиться к одной из подгрупп бюрократии или медиакратии. Сначала необходимо завязать знакомства с представителями этой подгруппы. Для этого хороши все средства. Можно просить своих родственников устроить по благу на теплое местечко. Можно оказывать услуги родственникам бюрократов или медиакратов с расчетом, что рано или поздно они обратят внимание мужа/родителей/детей на «нужного человечка». Можно постоянно принимать позу подчинения перед начальником или (еще лучше!) начальником начальника. Главное, чтобы заметили и оценили.

Когда первичные связи установлены, необходимо стать своим в выбранной подгруппе. Разумеется, первоначально статус карьериста будет самым низким, но значительно выше, чем у непричастных. Кроме того, за счет свойства относительности статуса приход в подгруппу нового лица повысит статус прочих и это не останется незамеченным. Безотказным средством войти в подгруппу является общность увлечений, в том числе и порочных. Автомобили, престижные виды спорта, выпивка, сауна с проститутками и т. п. ведут к издерж-

кам, зато никогда не подводят в смысле продвижения наверх. Брезгливость не приветствуется. Кроме общности увлечений, можно попробовать себя в роли мусорщика, добровольно и с энтузиазмом выполняя неприятные поручения. Например, постоянно замещать шефа на заседаниях, где ему угрожает разнос. Все дерьмо будет вылито на вашу голову, но вы приобретете репутацию незаменимого и преданного. Третий путь — оказать шефу какую-нибудь эксклюзивную услугу, например, написать диссертацию. Четвертый — создать на пустом месте крайне важное направление работы и под него иерархию исполнителей, набор должностных инструкций и т. п. Статус вашего шефа сразу повысится, раз он теперь управляет еще и этим ответственным участком, а следом поднимется и ваш статус. Перечень способов можно было бы продолжать до бесконечности, но смысл их остается одним и тем же: стать в подгруппе таким же, как все, но с небольшой индивидуальностью, гарантирующей незаменимость.

5. Способы присвоения статуса

Заняв прочное место в бюрократической или медиакратической подгруппе, можно повышать свой статус дальше за счет подчиненных. Мы опишем те «сравнительно честные способы отъема статуса», которые наблюдали лично, но предупреждаем, что на самом деле их значительно больше. Кроме того, мы можем более-менее уверенно описывать процессы присвоения статуса только в научных и инженерных коллективах, в то время как в государственных учреждениях или торговых компаниях они могут быть несколько другими. Тем не менее, общий принцип один — любым способом уменьшить ценность подчиненного для общества и тем самым повысить свою (помните свойство относительности статуса?).

Уменьшить ценность деятельности человека можно двумя способами:

- заблокировать возможность самой деятельности;
- занизить восприятие этой деятельности в глазах общества.

В первом случае человек тратит лучшие годы жизни на то, чтобы путем невероятных усилий сделать вдесятеро меньше, чем мог бы при своих способностях. Во втором то, что сделано большой кровью, оказывается ненужным. Оба

способа, в конечном счете, ведут к тому, что невозвратимое время «спускается в унитаз», отнимается у человека точно так же, как и время пролетария, потраченное на создание прибавочной стоимости.

Первый способ наиболее часто используется внутри бюрократических структур, второй характерен для медиакратии. К бюрократическим структурам мы относим здесь как собственно государственную бюрократию, так и иерархии управления крупными корпорациями, включая медиахолдинги, а также армию.

Налицо парадокс, характерный только для постиндустриального общества: люди, назначенные руководить чем-то, вольно или невольно тормозят порученный их вниманию процесс и за счет этого преуспевают! Вспомним, что феодал не особо мешал работать своим крестьянам, а капиталист — своим рабочим (по крайней мере, они не делали это преднамеренно — это было невыгодно им экономически). А вот бюрократ заинтересован в создании максимума проблем попавшим под его власть специалистам. Чем меньше будет полезный результат их деятельности, тем ниже будет их статус и тем выше его. Кроме того, устраняются потенциальные конкуренты, более достойные прав на принятие решений и на доступ к информации.

Объяснение парадокса заключается в том, что во все предыдущие эпохи эксплуататор присваивал прибавочный продукт непосредственно на правах владельца средств производства. Бюрократ же получает прибавочный продукт «из общего котла» государства или корпорации пропорционально своему статусу, поэтому для него важен не весь продукт, а причитающаяся ему доля. И если для ее увеличения надо пожертвовать производительностью — тем хуже для последней. Собранные ниже приемы присвоения статуса бюрократами полностью соответствуют такому подходу. Как и в случае со свойствами статуса, мы дали этим приемам собственные имена.

1. *Заслужи доверие.* Сотрудника годами не допускают к серьезной работе, пока он «не наберется опыта». Но требуемый опыт можно получить только после допуска к работе. В итоге заслуги перед обществом сколь угодно талантливого, но не получившего возможности проявить себя человека оказываются ни-

же, чем у того, кто не обладал какими-либо талантами, но монополизировал доступ к ответственной деятельности.

2. *Тысяча мелочей.* Сотрудника заваливают мелкими административными поручениями настолько, чтобы у него гарантированно не оставалось времени на что-либо иное. Через некоторое время не используемые в процессе работы знания и умения начинают утрачиваться, а человек деградирует как специалист, после чего его статус закономерно продолжает снижаться.

3. *Забудьте все, чему вас учили.* Знания, приобретенные человеком при получении образования (например, в ВУЗе), объявляются бесполезными в сравнении с насущно необходимыми на практике умениями (наукой оформления документов и т.п.). В итоге, преимущество специалиста перед бюрократами в части специальных и профессиональных знаний не только обесценивается, но и выставляется как недостаток, а «познания» в самосочиненных формах делопроизводства, а также в наработанных за предыдущие годы личных связях подаются в качестве выдающихся достижений. Типичные фразы, после которых статус подчиненного падает до плинтуса: «Сколько документов высокого уровня ты выпустил, чтобы настаивать на своем?», «Я работал с N. N. и M. M., а ты кого знаешь?».

4. *А кто ты такой?* У бюрократов по должностным инструкциям полная монополия на принятие решений. Однако, как правило, они этим не ограничиваются и навешивают на себя массу титулов «для солидности», что не только повышает статус их обладателя, но и является действенным аргументом в борьбе с оппонентами. Что с того, что «ведущий конструктор» не способен выполнить работу на уровне обычного дипломного проекта, а докторская диссертация «академика» написана отнюдь не им? В споре с рядовыми инженерами и научными сотрудниками они, как танком, дают своим дутым авторитетом. Более того, не замешанные в конфликт люди предпочитают верить более «заслуженной» стороне. В последнее время ситуация усугубилась наличием огромного числа псевдоакадемий и научных обществ вроде «Российской академии естественных

наук» или «Академии космонавтики имени К.Э. Циолковского», являющихся инкубаторами высоких званий без реальных достижений.

5. *Секретность*. В нашей стране секретятся отнюдь не одни государственные и военные тайны. Ряд областей научно-технической деятельности (например, космонавтика, в том числе совершенно мирная) характеризуется просто параноидальным уровнем секретности. В последние годы к государственным секретам добавилась еще и «коммерческая тайна». В итоге информация, необходимая для работы рядовому специалисту, зачастую является недоступной. Естественно, для себя, любимых, бюрократы доступ к информации сохранили. Кроме того, «секретность» позволяет бюрократам скрывать свои промахи, просчеты, а иногда и должностные преступления.

6. *Птичий язык*. В бюрократических структурах наблюдается любовь к сочинению своей терминологии и особым аббревиатур едва ли не на уровне отдельных подразделений, а также использование терминов не по их прямому назначению. При наработанных умениях в части словесной эквилибристики обеспечивается как эффективное сокрытие информации от «чужих», так и эффективное средство манипулирования своими коллегами и подчиненными, ничуть не уступающее пресловутому оруэлловскому «новоязу».

7. *Политический вопрос*. Настоящей политикой, конечно, тут и не пахнет. Как правило, под «политическим вопросом», блокирующим одни технические решения и навязывающим другие, понимается либо личная материальная заинтересованность принимающего решения, либо его желание угодить «нужным людям». Итог очевиден — статус взаимодействующих «политиков» растет, а их оппоненты из числа сотрудников выглядят неудачниками, не способными отстаивать свое технически грамотное мнение.

8. *Сделай мою работу за свою зарплату*. Бюрократ панически боится какой бы то ни было ответственности, хотя и утверждает, что несет ее перед вышестоящими инстанциями. В связи с этим у него появляется желание распределить ответственность среди максимально большего числа лиц. Подчиненному поручается различная работа, требующая административного «веса» его на-

чальника, хотя здравому смыслу очевидно, что добиваться согласованного решения можно только с людьми своего уровня, а никак не с вышестоящими. Подчиненные при согласовании получают свою дежурную порцию унижения, теряя свой статус, но поднимая статус согласующего бумаги бюрократа. Кроме снижения статуса в пользу «чужих» начальников, работник заодно повышает статус своего, когда тот со словами «Ну что же вы, Иванов, такой несамостоятельный!» одним телефонным звонком решает все проблемы.

9. *Сегодня рано, а завтра уже поздно.* Любые серьезные решения в постиндустриальном обществе, как и во все времена, принимаются исключительно представителями правящего класса. Однако, в целях еще большего поднятия статуса, бюрократам требуется создания у подчиненных устойчивого стереотипа, что мнения и решения руководства не только единственно правильные, но и единственно возможные. В этих целях специалистов всеми правдами и неправдами устраняют не только от принятия решений, но и от внесения предложений и их обсуждения. Обеспечивается это принятием решений кулуарно, в узком кругу. Специалистам же до принятия решения и его обнародования внушается, что «этот вопрос обсуждать еще рано», а после него — что «решение принято и менять его уже поздно».

10. *Неудачный возраст.* Дежурным аргументом бюрократов в споре со специалистами, предъявляющими законные и обоснованные требования повышения своих полномочий/доступа к информации/терпимых условий работы/интересной и позволяющей раскрыть себя работы, является ссылка на возраст. Сначала специалист «слишком молод и неопытен», а затем уже «слишком стар и несовременен», причем второй этап начинается раньше, чем кончается первый. Естественно, сами бюрократы, их родственники, прихлебатели и единомышленники имеют совсем другой возраст: сначала они «молодые, энергичные и перспективные», позже — «опытные, заслуженные и отлично зарекомендовавшие себя». Аналогичная аргументация, хоть и гораздо реже, используется применительно к национальности, месту рождения, социальному происхождению.

11. *Научим тушканчика плавать, а дельфина жить в пустыне.* Работникам стараются поручать именно ту работу, к которой они пригодны меньше всего. Само собой разумеется, они будут совершать ошибки и срывать сроки, что позволит снизить статус работников на «законных» основаниях, за профессиональную некомпетентность.

13. *Развиваем науку и технику.* Многие представители научно-технической бюрократии имеют вкус к изобретательской деятельности. Их «изобретения», в силу убогости мышления авторов и боязни попасть впросак с негативными последствиями для своего статуса, обычно примитивны, мало отличаются от существующих образцов. В то же время стоимость выполнения подобных «разработок» весьма велика. что позволяет неплохо поднять благосостояние авторов за время исполнения проекта. Бывают еще более безотказные методики законной растраты средств, например, выполнение НИР по давно уже разработанной тематике. Как бы там ни было, грамотный специалист, который никогда не возьмется за подобную работу в силу ее заведомой бесперспективности, плохо смотрится на фоне трясущего пачками патентов начальства.

14. *Нет денег.* Дежурный ответ бюрократа на любые предложения не входящих в бюрократические кланы специалистов. В то же время, средства на утверждение статуса бюрократов (в том числе не только на ремонт кабинетов и представительские авто, но и на реализацию их весьма затратных и убыточных технических предложений) всегда находятся. Как и средства на финансирование организаций, возглавляемых дружественными бюрократами.

15. *Это делается для твоего же блага.* Свои действия, направленные на отъем статуса, бюрократы очень любят выставлять как благо для ограбленных. Они обожают рассказывать нам сказки о тяжком бремени ответственности, которое гнетет их плечи, что отнюдь не мешает сваливать на подчиненных ответственность за принятые бюрократами решения и не отвечать в реальной жизни ни за что, кроме лояльности по отношению к вышестоящим. Дежурные формулировки: «Тебе это не нужно/не интересно/не выгодно» (бюрократу, конечно же, виднее, что нам нужно/интересно/выгодно только ищачить, прославляя муд-

рое руководство и выполняя любой его каприз), «Ты с этим не справишься» (а он это проверял?), «Ты в этом ничего не понимаешь» (поинтересоваться, что ты умеешь на самом деле, а не в его фантазиях, бюрократу не с руки), «Это большая ответственность, зачем она тебе» (на самом деле имеется в виду «Это мой статус, и я скорее сдохну, чем стану им делиться с такими, как ты»).

16. *Бытовуха.* Эффективным способом вызвать деградацию специалистов является максимальная нагрузка их бытовыми проблемами. Существующая практика платить наиболее ценным в профессиональном плане сотрудникам минимально возможные суммы и наплеватьски относиться к их жилищно-бытовым проблемам, осложненная безудержной пропагандой потребительских ценностей, толкает молодых людей к необходимости искать и брать работу исключительно по критерию высокой оплаты, обычно вне своей непосредственной профессии. «Почему-то» вся подобная работа, доступная людям, не входящим в бюрократические кланы, является тупой и бездумной, что приводит к профессиональной деградации специалиста и зависанию его у подножия статусной пирамиды на вполне законных основаниях.

Бюрократы, прикарманив творческую деятельность, поступают с ней как собака на сене — будучи не в состоянии сами добиться результатов, не дают и другим. В результате проблемы, которые могли бы быть решены, не решаются. Но, с точки зрения бюрократа, это не важно. «Думай о главном. Подпись: Главный».

17. *Начальнику — лучший компьютер.* Необходимые для работы инженера средства производства и оснащение рабочих мест рассматриваются как привилегии и распределяются в соответствии со статусом, а не с производственной необходимостью. Поэтому рядовые сотрудники вынуждены выполнять сложные расчеты или громоздкие чертежи на допотопной технике, что снижает производительность и делает бедолаг уязвимыми к критике начальства.

18. *А что ты успел сделать?* Используется бюрократами для подавления морального духа оппонентов. В силу того, что специалистам не дают нормально работать, а вся серьезная и престижная часть работ монополизирована бюрокра-

тами, у последних всегда имеется «железобетонный» аргумент — «я сделал это, это и это, а ты — ...?». Правда, результаты бурной деятельности бюрократов, мягко говоря, не впечатляют, но у их противников стараниями руководства они вообще равны нулю.

19. *Корпоратив.* Чтобы подчеркнуть свой высокий статус, бюрократия любит организовывать различные застолья, часто за счет подчиненных. На этих вечеринках руководитель может битый час разливаться соловьем на любую тему и никто не посмеет его остановить. Можно подшучивать над подчиненными, отпускать двусмысленные комплименты, много и со вкусом рассказывать о себе, любимом. Можно заставить всех присутствующих хором кричать «Ура!» или петь «корпоративный гимн». Дурацкие игры, в которых вынуждены участвовать сотрудники, чтобы позабавить босса, тоже уместны.

20. *Дресс-код.* Заставьте подчиненных не только быть вашими клоунами, но и выглядеть ими!

21. *Я своему слову хозяин.* Ну, это проще простого. Пообещать что-то подчиненному и не сделать, сославшись на занятость. Пусть утретса и осознает свою ничтожность.

22. *Спешишь не надо, но чтобы к утру все было готово.* На самом деле поручаемая работа должна быть несрочной, а еще лучше — вообще никчемной. Наутро нужно барственно взять подготовленный за ночь отчет и сказать смертельно усталому сотруднику: «Спасибо, Петя. Будет время, посмотрю».

23. *Потреблядство.* Название не слишком пристойное, но не более, чем сам прием. В подразделении нужно создать атмосферу заикленности на статусных товарах. Темами нескончаемых повседневных обсуждений должны служить модная одежда, дорогие автомобили, отдых на Мальдивских островах и т. п. В этой ситуации статус действительно ценных сотрудников, которым платят по минимуму, снижается еще больше.

24. *Найди себе холуя.* Необходимо найти кого-то, кто будет отдавать вам свой статус добровольно и с улыбкой. Глядя на него, окружающие станут делать

то же самое, чтобы холуй, в силу свойства относительности статуса, не отнял его у них слишком много в свою пользу.

25. *Найди другим кумира.* Прием является прямым следствием свойства наследуемости статуса. Чтобы парализовать попытки подчиненных поднять статус, нужно «придавить» их статусом совершенно грандиозных размеров. Для этого обычно берется реально существовавший человек (желательно, уже умерший) и идеализируется до божественного состояния. Теперь можно любого подчиненного сравнивать с этим «идолом» и делать неутешительные выводы о его (подчиненного) способностях и достоинствах. Если же бюрократ имел счастье хотя бы раз в жизни лицезреть «идола», тогда вообще хорошо: «Вот когда я работал с N.N., с такими, как вы, не церемонились».

Интересно, что в масштабах страны сотворение кумира может сыграть не только отрицательную, но и положительную роль. Так, культ личности И.В. Сталина в некоторой степени парализовал стремление бюрократии к превращению в правящий класс: при сравнении с вождем статусы бюрократа и инженера были одинаково ничтожными и их разница нивелировалась. Но бюрократ был легко заменим, а вот инженер — не всегда. Поэтому в критических ситуациях уверенные в своей правоте инженеры обращались к «дорогому и любимому товарищу Сталину» с жалобами на неверно принимаемые решения и часто добивались успеха.

26. *Показуха.* Поскольку бюрократия принципиально не способна справиться с действительными проблемами, возникающими в процессе работы, постольку львиная доля ее усилий направлена на создание видимости успеха. Кроме выполнения своих прямых обязанностей, сотрудников загружают рисованием слайдов, написанием «славной истории предприятия» или сценариев рекламных роликов (несмотря на то, что для подобных извращений существуют специальные подразделения). Естественно, что на показухе выдвигаются совсем не те работники, что на реальном деле. Следовательно, сначала статус перераспределяется между сотрудниками, а потом от отличившихся показушников переходит к начальнику-бюрократу.

27. *Девичья память*. Прием используется для торможения дел, нуждающихся в немедленном решении. Требуемый подписи документ неделями погребен под грудой менее срочных бумаг на столе шефа. Когда все мыслимые сроки истекают, неизбежен диалог:

Сотрудник: Пал Палыч, вы не подписали?

Пал Палыч: А почему вы мне не напомнили?

Сотрудник: Но ведь я вам прямо в руки передал...

Пал Палыч (в праведном гневе): Напоминать надо было! Ежедневно! У меня столько дел, а у вас только одно! Теперь вот из-за вас...

Ноготопание и слюнобрызгание. Занавес.

28. *Гапоновицина*. Если подчиненный принципиально не желает делиться своим статусом с руководителем, то есть постоянно возражает, вносит дельные предложения и добивается если не их воплощения в жизнь, то хотя бы открытого обсуждения, не подхалимничает и не хочет петь гимн корпорации, есть два выхода. Первый — уволить строптивца и утратить возможность доить его статус. Второй — мелочными придирками, оскорблениями и насмешками заставить его потерять хладнокровье, спровоцировать на резкость, а лучше на скандал. Тогда сотрудник приобретет репутацию «неадекватного», почти душевнобольного. Статус таких людей равен нулю, а их начальникам сочувствуют, ведь они, бедняжки, из жалости вынуждены тратить свои нервы на ненормального. На самом деле тратятся только нервы жертвы, которая продолжает качественно работать (а что еще настоящие инженер или ученый умеют и хотят делать?), но в условиях постоянного стресса. Несколько лет такой жизни гарантируют сердечный приступ или инсульт. Ну и что, статус покойного уже перекачан к боссу, можно с лицемерным вздохом подписать некролог и забыть о «неудачнике».

29. *Твою мать!* Самый отвратительный прием присвоения статуса. Состоит в подчеркнутой грубости по отношению к нижестоящим, неприкрытом унижении их достоинства. Смысл заключается в подтверждении разницы статусов. Если сотрудник не ответил на грубость ни словом, ни пощечиной, следовательно, он признает ваше превосходство и готов продолжать соблюдать правила иг-

ры. Предельное развитие прием получил в идеальной статусной системе — в армии. Впрочем, в последние годы издевательство над подчиненными распространяется все шире и шире, затрагивая практически все бюрократические структуры. В книге И. Драгунской «Код завинчивания. Офисное рабство в России» (2010 г.) приводятся потрясающие примеры подобных отношений в крупнейших отечественных компаниях. Мы упомянем только о так называемых «собеседованиях», в ходе которых претендентов заставляли петь и плясать на потеху боссам, ползать на четвереньках и лизать пол! Самым мягким вариантом приема «Твою мать!» является пересыпание начальственной речи матерными словечками. Ну как же, перед нами «настоящий мужик!» Однако, если начать отвечать боссу в подобном же стиле, он страшно негодует...

С помощью перечисленных выше приемов (и множества других!) ежедневно, ежечасно и повсеместно, где есть иерархия, происходит присвоение статуса. То, что на первый взгляд представляется случайным нагромождением личных амбиций, недоразумений и бытовых ссор, на самом деле скрывает в себе закономерности строения нашего общества. Характерно, что мало кто из бюрократов применяет приемы присвоения статуса осознанно. Гораздо чаще это делается «автоматически», как бы инстинктивно. Это говорит о наличии у большинства бюрократов неких идентичных психологических черт, о сужении психологического разнообразия на верхних этажах социальной пирамиды. Объяснение концентрации людей с определенной психологией кроется в закрытости бюрократических структур для всех, кто не принадлежит к определенным кланам. На верхние этажи бюрократии нельзя попасть, минуя нижние этажи. И, поскольку само присоединение к бюрократии требует присвоения статуса, наверх будут пробиваться люди с однотипной психологией, отличающиеся лишь крепостью хватки. Люди, попавшие в бюрократию случайно (например, по протекции родителей), не обладая нужными качествами, в самом скором времени станут источником статуса для более приспособленных и либо выпадут из бюрократического социума, либо навсегда останутся у подножия пирамиды. Как известно из истории, такая ситуация в элите общества была не всегда. Напри-

мер, родившийся дворянином так и оставался им до самой смерти. Отсюда и психологическая пестрота дворянского общества, блестяще описанная в русской классической литературе и породившая как Аракчеева, так и декабристов. Ждать же от нынешней бюрократии новых декабристов бессмысленно.

Кстати, единство поведения бюрократов всех уровней еще раз указывает на принципиальную важность психологического аспекта для объяснения современной социальной картины. Поэтому тем, кто до сих пор пытается понять ее с позиций 19 века, исходя из приоритета экономики, стоит задуматься над своей правотой.

Ситуация, когда руководители на всех уровнях мешают подчиненным выполнять свои обязанности, кажется абсурдной. Но она абсурдна не более, чем массовое уничтожение товаров во время кризисов капитализма. И то, и другое является необходимостью для существования правящего класса. Избыток товаров над покупательной способностью населения приводил к финансовым потерям их владельцев. По сравнению с этой угрозой голодная смерть трудящихся была непринципиальным обстоятельством. Относительность статуса заключает в себе опасность повышения авторитета того, кто понимает порученное дело, но не входит в число «избранных»? Что ж, «завалим» дело, и весь сказ. Наверху поймут и не накажут, потому что там сидят точно такие же бюрократы.

Присвоение статуса бюрократией облегчается тем, что она встречает понимание и одобрение со стороны некоторых жертв. Ирина Драгунская пишет: «О какой борьбе за свои права может идти речь, если избегший печальной участи работник смотрит на своего несчастливого собрата с высокомерной усмешкой, приговаривая «Сам виноват!» ... На деле жертве адресуется презрение, какое-то жестокое зоологическое отторжение: так стая животных изгоняет слабого собрата во имя выживания остальных ... Сочувствие, не полученное жертвой, оказывается в кармане взбесившегося офисного царька, отыгрывающего на сверхлояльных сотрудниках все свои комплексы вкупе со шмомplexами. Конечно, открыто боссу-самодуру никто не сопереживает — как можно! Просто о нем повествуют со смесью ужаса и восторга (восторг обычно преобладает)».

Дело, конечно, не в зоологии. Просто часть сотрудников хочет урвать свою частичку статуса у тех, кого и так уже порвали на клочки. При этом в выигрыше оказывается, в первую очередь, бюрократ, а не его подхалимы. Как очень верно подметила автор приведенной цитаты, статус жертв и их добровольных гонителей «оказывается в кармане взбесившегося офисного царька».

Для добивания упавших используется набор нехитрых приемов:

- клевета;
- подхалимаж (естественно, в адрес гонителей);
- «потеря касты».

Последний прием заключается в катастрофическом снижении статуса любого, кто осмелится вступить за парию.

6. Способы присвоения статуса медиакратией

Присвоение статуса медиакратией сильно отличается от бюрократического. Если бюрократия присваивает статус людей по отдельности в пользу каждого конкретного бюрократа, то медиакратия наиболее эффективно «ведет огонь по площадям» и присваивает статус целых социальных групп в пользу других социальных групп. Однако, в ее деятельности присутствуют и бюрократические методы, но они направлены «вовнутрь» медиакратических структур. Каждая редакция, телестудия или радиостанция представляет собой бюрократическую иерархию с полным набором приемов присвоения статуса вышестоящими сотрудниками. Но по отношению к окружающему миру медиакратия использует другой арсенал. Она формирует Миф. Под Мифом с большой буквы мы будем понимать особым образом искаженную картину мира, в чем-то, однако, для правдоподобия схожую с действительностью. Различия мифа с реальным миром не произвольны, а целенаправленны и позволяют, как мы уже говорили, занизить ценность для общества одних людей и переоценить других.

Миф, по определению, иррационален. Если подвергнуть его логическому анализу, то обнаружится полный спектр ошибок вроде «вследствие этого — значит поэтому», «опровержение общего частным» или «подмена тезиса в процессе доказательства». Частью это действительно ошибки, частью злонамерен-

ные искажения. Как бы то ни было, они настолько прочно встроены в Миф, что не могут быть исправлены без его полного слома, то есть без коренного изменения мировоззрения масс. Поэтому Миф исключительно устойчив к рациональной критике.

Миф включает в себя множество отдельных мифов, некоторые из которых, напрямую связанные со статусной эксплуатацией, мы сейчас рассмотрим.

1. *Миф о вреде прогресса.* В первую очередь имеется в виду технический прогресс, хотя и о социальном медиакратия тоже не забывает. Мы, разумеется, не утверждаем, что вопросы науки и техники не находят адекватного отражения в СМИ. Существуют научно-популярные журналы, фильмы производства BBC, National Geographic и других студий. Но господствующей тенденцией является именно антипрогрессистская. Прогрессу приписываются огромные человеческие жертвы, разрушение природной среды, деградация нравственности и т. п. Следовательно, на «рядовых прогресса» — ученых и инженеров — возлагается вина за все эти бедствия. Про поборников социального прогресса мы даже не говорим — любой из революционеров в изображении СМИ питался мясом некрещеных младенцев и пил кровь девственниц.

В действительности медиакратия чрезвычайно преувеличивает побочные эффекты технического прогресса и, в значительной степени, перекладывает вину с больной головы на здоровую. Ни инженеры, ни ученые не несут ответственности за то, что владеющие экологически опасными производствами корпорации не желают тратить деньги на природоохранные мероприятия. Наоборот, современный уровень науки и техники позволяет в десятки раз снизить воздействие промышленности на окружающую среду, а в дальнейшем перейти к ее активному восстановлению. Но медиакратии не выгодно замечать силу тех, у кого она отнимает статус. Кстати, в действиях медиакратов присутствует самая черная неблагодарность. Без «вредного» технического прогресса они бы не имели таких могучих средств воздействия на умы, как газеты и телевидение. Оставались бы только воскресные проповеди с амвона...

2. *Идеализация прошлого.* Миф о прошедшем «золотом веке» имеет давние исторические корни. В наши дни прошлое буквально захлестнуло настоящее на страницах книг и телеэкранах. Причем не только реальное прошлое, но и бесконечные варианты «альтернативной истории». Из них можно почерпнуть, что в старопрежние времена все мужчины были, как на подбор, богатырями. Жизнь предков была куда интересней нашей — погони, схватки на мечах и прочих колюще-режущих предметах, волшебство и сокровища капитана Флинта. Тяжелого ежедневного труда не было и в помине, болезней тоже (это не согласуется с археологическими отчетами, да кто же в здравом уме их читает?). Женщины были поголовно прекрасными принцессами и полностью соответствовали голливудским стандартам.

Подмена реального прошлого, жестокого, кровавого и невежественного, лубочными картинками неизбежно обесценивает подвиг тех, кто вытянул человечество из этого «рая». Герои и мученики науки, бесчисленные поколения рабочих и крестьян, надорвавших хребты при создании промышленной инфраструктуры, солдаты, убитые «подо Ржевом, в безымянном болоте» — все они остались за рамками сусальной истории. Не видя их труда и подвига, читатели и зрители не могут оценить, во что обошлось человечеству его сегодняшнее могущество. И люди стремятся мечтами от этого могущества туда, где так интересно и привлекательно и где все технические штучки являются только помехой хорошо сбалансированному клинку. А вместе со «штучками» и их создатели. Зато вот писатели, телевизионщики и актеры нужны до зарезу, иначе кто будет нас снабжать новыми порциями сладкой лжи?

3. *Миф о бессилии науки.* Если верить СМИ, наука ни на что не способна. В газетах и в Интернете постоянно мелькают заголовки вроде «Теория Дарвина опровергнута» или «Существовала ли Римская империя?». Ни одно из фундаментальных положений научной парадигмы не признается истинным со ссылками, что, мол, Солнце долгое время тоже считали обращающимся вокруг Земли. Естественная для науки смена концепций выдается за отсутствие достоверного знания вообще. Медицина-де не может никого вылечить, и это тогда, когда

список неизлечимых заболеваний сократился по сравнению с 19 веком более чем на порядок! Более того, в качестве серьезного аргумента выступают высказывания, что наука не может «сделать человека счастливым». То есть науке ставится в вину невыполнение того, что по определению не входит в ее задачу! Мягким вариантом мифа является сомнение в правильности научного метода. Предлагается «дополнить» его верой, интуицией и т. п.

Прямые высказывания о бессилии науки дополняются карикатурным изображением ученых. В современных книгах и фильмах они выглядят такими недотепами, заикленными на предмете своих исследований и неспособными к решению даже простейших бытовых задач. «Рассеянный профессор» стал персонажем бесчисленных анекдотов. Их цитирование предоставляет великолепную возможность перекачки статуса от ученых к рассказчику.

В комбинации с идеализацией прошлого миф о бессилии науки популяризирует некие «тайные знания предков», от лечения рака ослиной мочой до «психонергетической самообороны» в темной подворотне. И то, и другое иногда может привести к летальному исходу, но всегда приводит к снижению статуса работников науки.

4. *Миф о могуществе лженауки.* Дополняет миф о бессилии науки. Если, в кривом зеркале медиакратии, так называемая «официальная» наука ничего не знает и не может, то «альтернативная» наука (а, попросту, лженаука) знает и может все. Лженаука успешно спекулирует на реально существующих проблемах, которые пока не решены, но, несомненно, будут решены в будущем. Будущего ждать не хочется, поэтому уже сейчас «инерционные двигатели» обещают нам покорение космоса, «торсионные поля» гарантируют мгновенную связь на любых расстояниях, ну а «новая хронология» раскрывает все тайны истории. Вот только надо еще чуть-чуть вложить средств (отняв их у якобы косной и прогнившей «официальной» науки) и вскоре наступит всеобщее счастье. В последнее время лженаука оформилась не только идейно, но и организационно. Лжеученые насоздавали кучу «академий», выпускают периодические издания, съезжаются на «конференции» и «конгрессы». Еще немного, и их авторитет в

обществе (а, следовательно, и статус) станет выше, чем у настоящей Академии наук.

Помимо оттягивания статуса у действительных ученых, лженаука дает бюрократии отличный предлог для прекращения работ, не вписывающихся в узкий проем административного мышления. Например, в качестве контраргумента предложению внедрить ядерные ракетные двигатели рекомендуется воспользоваться технологией строительства летающих тарелок со ссылкой на соответствующие «авторитеты». В итоге изобретатель успешно послан куда подальше, его статус стремится к нулю, а отфутболивший здравые предложения начальник свой статус, естественно, поднял. Никаких летающих тарелок он строить не станет, но может, в качестве ответного жеста, оказать «торсионщикам» некоторую материальную и информационную поддержку. Так бюрократия и медиакратия друг друга моют и обе остаются черны.

5. *Миф об Апокалипсисе.* Источник мифа всем известен и медиакратия это вовсю эксплуатирует. В ее изображении будущее непременно связано с концом света или, на худой конец, с чудовищными катастрофами. В подтверждение приводится все, что угодно — от астероида, погубившего динозавров, до «предсказаний» Ванги и Нострадамуса. Порождаемый мифом страх перед будущим отлично способствует идеализации прошлого и подчеркивает бессилие науки предотвратить глобальные неприятности. Да и как она может их предотвратить, если есть такой персонаж, как...

6. *Ученый-злодей.* Негодяй, создавший супербомбу для уничтожения человечества, является обязательным персонажем голливудских фильмов. Это несколько противоречит мифу о бессилии науки, но логика не является сильной стороной мифологизированного мышления. В качестве «доказательств» медиакратия любит ссылаться на Менгеле, Хиросиму и испытания новых лекарств на заключенных и душевнобольных. Налицо явные подтасовки. Так, пресловутый доктор Менгеле должен рассматриваться не столько как ученый, сколько как представитель господствовавшей в нацистской Германии «арийской науки», являвшейся, по существу, лженаукой. Решение об использовании ядерного оружия

было принято не учеными — создателями бомбы, а политиками. Сами же ученые во главе с А. Эйнштейном выступили с обращением к правительству США не применять оружие массового поражения. А в крайне редких неблагоприятных экспериментах с участием недееспособных людей налицо не злой умысел, а неправильный ответ на извечный вопрос о соотношении благородных целей и средств их достижения (подопытным от этого, конечно, не легче). В любом случае, фигура талантливого ученого, причиняющего людям умышленный вред, начисто лишена исторической достоверности.

Но что до этого медиакратии? Она создает образ гениального злодея и снижает тем самым статус творящих добро. Сколько родителей отказываются делать своим детям прививки только на том основании, что «эти медики» из корыстных побуждений в вакцину черт знает чего намешали?

7. Инженер-стелс. Следует отметить, что ученым еще повезло. Они хоть в искаженном виде, но появляются в книгах и на экране. Инженеров же там практически нет. В фантастических романах главный герой рассекает на супер-пупер космическом корабле, но кто его создал? Про инженеров наших дней медиакратия тоже умалчивает, времена фильмов «Укрощение огня» и «Главный конструктор» давно прошли. Отсутствуя во всех произведениях культуры, инженер отсутствует и в массовом сознании, а его статус отдается «более достойным».

8. Романтизация пороков. Главный герой, начинающий свои подвиги в состоянии глубокого похмелья... благородные и привлекательные уголовники... блатные песни, переименованные в «шансон»... сигарета как признак истинной мужественности (или женственности)... Дело доходит до смешного: выступающие по телевидению артисты, писатели и художники в один голос рассказывают о своем приклатненном детстве, когда они якобы шатались по улицам с финкой в кармане и дружили со взрослыми урками. Преступникам создается имидж «борцов с системой», в то время как на деле они являются скучнейшими и зауряднейшими людишками, трусливыми и всегда готовыми на предательство себе подобных. В их пользу (и в пользу с детства продвинутой в этом направлении медиакратии) перераспределяется статус честных, законопослушных людей.

Самыми же законопослушными являются как раз те социальные группы, которые составляют субстатусный класс: ученые, инженеры, врачи и учителя в своих конфликтах с законом крайне редко идут дальше курения в неположенных местах.

Оборотной стороной романтизации уголовщины стала алогичная ненависть россиян к представителям служб правопорядка. Эта ненависть искусно подогревается СМИ, обожающими тиражировать действительно имеющие место случаи преступлений сотрудников милиции, но замалчивающими трудную и честную работу большинства из них по защите общества от как-бы-робин-гудов.

Логическим следствием романтизации пороков является отношение к потерпевшим от них. Наверное, все слышали брошенное в адрес обворованного: «Сам виноват! Надо было лучше за кошельком следить». Изнасилованную девушку поучают, какой длины юбку она должна была носить. И совсем не приходит в голову злорадствующим «мудрецам», что ношение кошелька в заднем кармане и прогулки хоть нагишом более нормальны и достойны, чем воровство и насилие.

Романтизация пороков имеет своей причиной реальное нравственное состояние современной (впрочем, и исторической тоже) элиты. Но, при необходимости, медиакратия может молниеносно сменить тон и обрушить на кого угодно шквал обвинений в пьянстве, уголовном прошлом и т. п.

9. *Миф о превосходстве обучаемого над учителем.* Если верить современной культуре, то хуже милиционеров у нас только учителя. Они изображаются как полуграмотные, тупые, толстые и небрежно одетые тетки, неспособные ничему научить изначально одаренных детей и жаждущие только всеми способами унижить несчастных школьников. Но школьники не остаются в долгу и весело, остроумно и всегда успешно надувают педагогинь, ухитряясь вместо скучной и (подразумевается) ненужной учебы заниматься куда более важными делами: курить в туалетах, тискать подружек и гонять в футбол. Из чудо-детей вырастают лихие студенты, способные весь семестр пить водку и расписывать «пульку», а

потом на отлично сдать экзамен глупенькому, впадшему в старческий маразм профессору.

Процесс доказательства принципиального преимущества учеников над учителями начался еще в советское время, в 70-80-х годах, когда из книг и фильмов постепенно исчез привлекательный образ педагога. На смену фильмам «Доживем до понедельника», «Первый учитель» и «Сельская учительница» вначале пришла «Большая перемена» с добрым, но нелепым учителем истории, а потом менее добрые (по отношению к преподавателям) киножурналы «Ералаш». Впрочем, они все трогательно-наивны по сравнению с современным сериалом «Школа». Критика педагогов «обосновывается» статьями и книгами о недостатках современной системы образования, необходимости ее заменить чем-то другим, более достойным детей-индиго.

Снижение статуса учителей оправдывает как низкую зарплату в сфере образования, так и его бесконечное реформирование. В то же время школьники банально презирают учителей, о которых с рождения не слышат хорошего слова, и совершенно не желают воспринимать от них знания. А учителя закономерно озлобляются и не испытывают энтузиазма учить. Порочный круг замыкается и не может быть разорван до тех пор, пока медиакратам не укоротят языки.

10. *Миф о герое-одиночке.* В подавляющем большинстве романов и фильмов главный герой либо изначально действует в одиночку, либо ближе к концу оказывается один на один с главным злодеем. По ходу действия героя многократно предают командиры, политики, друзья и женщины. Друзья и женщины, сохранившие верность, должны погибнуть незадолго до решающей схватки с силами зла. Музыкальная культура постоянно заталкивает в уши «волков-одиночек» и «одиноких волчиц». Любимыми изречениями интервьюируемых всех возрастов и профессий стали «Я с детства не любил ходить строем» и «Я никогда не признавал авторитетов». Усиленно культивируется образ «крутого мужика», не нуждающегося ни в чьей поддержке. Широкое распространение получило утверждение, что никакие, даже самые неблагоприятные социальные условия не могут помешать человеку реализовать свои способности. Поэтому

каждый сам виновен в своих неудачах, а правящий класс ни за что ответственности не несет.

Как следствие, не удаются любые попытки объединения именно тех, чей статус присваивается. Возможности повышения статуса путем участия во многих социумах блокируются в зародыше ложной гордостью и страхом предательства со стороны товарищей. Зачастую отвергаются даже бытовые предложения о помощи: «Я сам справлюсь, не маленький!». Принять поддержку стало, почему-то, равносильным признанию в собственной слабости. Попытки жить, как в кино, заканчиваются закономерно — стрессом от постоянных неудач, но и это не учит взаимовыручке. В то же время, как и в случае с романтизацией пороков, бюрократия и медиакратия используют миф про героя-одиночку только «вовне», а сами существуют исключительно в виде кланов и групп. Таким образом, они получают немалое преимущество, не соблюдая пропагандируемые правила игры на социальном поле.

11. *Миф о супергерое*. Главную роль в сегодняшней культуре играет супергерой. Люди с обычными возможностями в лучшем случае являются для него фоном, в худшем — смазкой для клинка. Отличной сценой для подвигов супергероя является постапокалиптический мир или идеализированное прошлое.

На деле все обстоит, разумеется, прямо противоположным образом. Основную часть работы в любом деле, будь то производство, наука или война, выполняют самые обычные рабочие, младшие и старшие научные сотрудники и рядовые пехотинцы. Вклад выдающихся личностей незаменим, но достаточно редок и бесполезен без огромного числа других участников. Подчеркнутое невнимание к последним порождает, как минимум, два вредных последствия. Статус тех, кто не способен одной левой раскидать пятерых вооруженных головорезов, занижается в пользу вымышленных персонажей. Так, статус солдат-призывников в нашем обществе куда ниже, чем у профессиональных десантников и спецназовцев, но войны в Чечне и Грузии были выиграны не фотогеничными «рембо», а вчерашними школьниками в грязных ватниках и кирзовых сапогах. С другой стороны, отсутствие наблюдаемых невооруженным глазом су-

пергероев парализует волю к социальному сопротивлению и заставляет ждать второго пришествия Зорро. Ну кто ж еще нам поможет, сами-то мы ни на что не годимся!

12. *Миф о талантливом руководителе.* В рамках этого мифа вся ответственность за далеко не блестящее положение дел как в России, так и в других странах возлагается на индивидуальные недостатки руководителей. Если их исправить или заменить «плохих» бюрократов «хорошими», то все сразу наладится. К сожалению, примерно тех же взглядов придерживается наша оппозиция, то и дело ставящая в пример «эффективным менеджерам» сталинских «железных» наркомов и самого Иосифа Виссарионовича. Апологеты бюрократизма доходят до утверждений о существовании особой науки управления людьми с целью достижения максимальной эффективности их совместной работы. Сочинения на эту тему можно в изобилии найти на полках любого книжного магазина.

С помощью мифа о талантливом менеджере медиакратия поддерживает власть бюрократии, но, в то же время, схватила ее за горло угрозой объявить неталантливой. Недавняя история с московским мэром очень показательна: он полтора десятка лет был «крепким хозяйственником», а потом в одночасье после «утраты доверия» выяснилось, что его преемник гораздо способнее.

Лживость мифа заключена в принципиальной несовместимости бюрократической системы с эффективным управлением в силу необходимости для руководителей препятствовать работе подчиненных ради присвоения их статуса. Никакой науки об управлении людьми также не существует, есть только приемы манипулирования ими в корыстных интересах, которые мы сейчас и рассматриваем. И вообще, в реальной жизни никто не управляет людьми, управляют всегда каким-то процессом, который выполняют эти люди. Если уничтожить систему присвоения статуса, то окажется, что управлять процессом смогут практически все его участники. Ведь для этого в отсутствии искусственных препятствий необходимо совсем немного: знание дела, элементарная внимательность к людям и немного воли, чтобы не опускать руки при первых неуда-

чах. Поскольку без присвоения статуса самый высокий статус будет у лучшего специалиста, он и станет руководителем. Кадровый вопрос исчезнет сам собой.

13. *Заговор.* Он везде. Весь ход мировой истории определяется заговором талантливых руководителей. Если верить телевидению и прессе, в мире не существует никаких объективных процессов, а все происходящее есть результат интриг, тайных переговоров и зловещих замыслов то ли «сионских мудрецов», то ли жрецов Атлантиды, реинкарнировавших в членов современных масонских лож. Миф о заговоре подрывает уверенность людей в существовании закономерностей развития общества и парализует волю к сопротивлению господствующему классу. Ведь, как утверждается, любые революции организованы тайными всемирными правителями и, борясь за свои права, ты только радуешь их. С другой стороны, этот миф укрепляет предыдущий, указывая на существование поистине всемогущих менеджеров.

14. *Миф об интеллигенции.* Этот миф заключается в объявлении интеллигенции существующей в качестве некоторой отдельной и сравнительно однородной социальной группы. Если бы мы жили в 19 веке, то это был бы не миф, а самая настоящая реальность. Тогда действительно существовала интеллигенция, к которой относились лица, занятые умственным трудом и не нуждающиеся (или мало нуждающиеся) для этого в использовании средств производства. Интеллигенцию 19 века составляли, прежде всего, работники образования и «чистой» науки (а прикладной тогда практически и не было), литераторы, юристы и врачи (в силу примитивности современной медицины они имели из средств производства разве что стетоскоп и термометр). Принадлежность инженеров к интеллигенции вызывала значительные сомнения, причем у обеих сторон, поскольку инженерный корпус формировался, в значительной степени, из военных. Подчеркнем, что бюрократия никогда в интеллигенцию не входила, ненавидела ее и удостаивалась ответной ненависти. Эта ненависть спланивала интеллигенцию, подвигая ее к либерализму. Другим стимулом к единству была ничтожная численность интеллигентов, поневоле заставлявшая искать поддержку друг в друге.

В наши дни остались либералы, но интеллигенции как социальной группы не существует. Мы уже перечисляли группы, занимающиеся умственным трудом. Отличия их от классической интеллигенции заметны «невооруженным глазом». Во-первых, все они, даже бюрократия, нуждаются в средствах производства. Современная наука невозможна без Большого адронного коллайдера и космического телескопа «Хаббл». Медицина немыслима без клиник, оснащенных первоклассной аппаратурой. Медиакратия не в силах обойтись без Останкинской телебашни. Даже юристы и консультанты без Интернета чувствуют себя как рыба на песке. Во-вторых, изменились взаимоотношения между людьми, занятыми умственным трудом. Врачи и учителя связаны с инженерами гораздо больше, чем с писателями. А ученых разделяет с медиакратией такая пропасть, что даже бюрократы им ближе и роднее. Говорить о единстве политических взглядов вообще смешно. Во всех упомянутых социальных группах присутствует полный спектр политических симпатий, от анархизма до фашизма.

Тем не менее, существует достаточно много желающих поговорить об интеллигенции «вообще», приписывая ей как неземные достоинства, так и вину за политические потрясения что 1917, что 1991 годов. То интеллигенция «совесть нации», то ее экскременты. Поскольку дилемма лишена смысла за отсутствием характеризуемого предмета, то она вредна. Вредна тем, что скрывает за устаревшим термином вполне современных эксплуататоров, в первую очередь виновных в разрушении СССР и непрекращающемся грабеже его наследия. Дискуссия в стиле Васисуалия Лоханкина о «роли интеллигенции», ее «трагедии» и т. п. должна смениться обсуждением наших собственных классовых интересах и способов их защиты.

15. *Духовность*. Как сообщает словарь Ушакова, духовность — это «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа». Вроде, хорошая штука. И, главное, очень распространенная, в большей или меньшей степени, в те или иные моменты жизни присущая всем без исключения. Однако, такое толкование духовности явно не устраивает СМИ. С одной стороны, она фетишизируется, объявляется

«нашим все». С другой стороны, духовность является-де принадлежностью лишь узкого круга людей, в первую очередь самой медиакратии и тех, кто удостоен ее благосклонности. За счет этого статус «обладающих духовностью» завышается, а у «бездуховных» понижается. Духовность обычно подается СМИ с гарниром из мифов о вреде прогресса и могуществе лженауки. Духовностью в глазах СМИ, несомненно, обладают талантливые руководители, особенно колесящие на желтых «Калинах» и пишущие в Twitter. Духовность произвольно привязывается к религии, хотя определение, как мы видим, этого вовсе не требует. Однако все атеисты, которых весьма много среди работников науки и техники, объявляются бездуховными. А вот необходимая связь духовности и нравственности старательно обходится стороной — было бы слишком трудно увязать духовность с модными пороками медиакратии.

16. *Креативность*. Здесь словарем Ушакова не обойдешься, приходится обращаться к Яндекс. Согласно самому внятному из определений, креативность [лат. creatio — сотворение, создание] — это уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности. С креативностью дело обстоит так же, как и с духовностью. Творческие способности (в разных областях) присущи многим, но нам сообщают, как правило, только о креативности телеведущих, безголосых певцов и педерастических танцоров. Кроме того, из рассмотрения исключается вопрос о пользе, приносимой обществу творчеством. Креативность создателя космических кораблей и новатора оригами произвольно приравнивается. Следовательно, статус первого несправедливо понижается, а второго повышается.

17. *Завышенные стандарты*. Сущность мифа состоит в злонамеренной подмене стандартов идеалами. Как известно, сегодня идеалы потребления задаются, в основном, рекламой. Было бы бессмысленно критиковать ее за это, хотя авторы, как и многие, придерживаются мнения о необходимости запрета рекламы табака, спиртного и партии «Единая Россия». Реальный уровень потребления весьма далек от рекламного, хотя в развитых странах, включая Россию, он очень высок по сравнению с остальным миром. Большинству из нас гарантиро-

ваны крыша над головой, невозможность голодной смерти, широкий объем медицинской помощи и возможность удовлетворения большинства духовных запросов. Но в фильмах, телесериалах, шоу и т.д. уровень потребления бесконечно выше. Шикарные интерьеры, автомобили, наряды, бытовая техника. То же самое можно сказать об участниках, и особенно об участницах. Спортивные фигуры, прически, маникюр и обилие ювелирных изделий выгодно подчеркивают элитарное положение медиакратии. Глядя в телевизор, зритель невольно сравнивает себя с его обитателями и приходит к неутешительным выводам. Результатом становятся зависть и желание подтянуть свой статус до уровня небожителей, пусть и за чужой счет. Ситуацию подогревают распространенные сейчас характеристики «лох» и «неудачник», применимые ко всем, кто не входит в правящий класс. Оценивая себя и окружающих подобным образом, телезритель добровольно отдает свой статус тем, кого видит на экране.

18. *Человек-насекомое.* В этом мифе на человека совершенно ненаучно переносятся все законы животного мира. По отношению к мужчинам и женщинам применяют термины «самец» и «самка», а самый любимый премьер-министр всех времен и народов удостоивается определения «альфа-самец». То, что человек в своем поведении руководствуется не только биологическими стимулами, но и культурными, умышленно игнорируется. Для оправдания мифа к услугам медиакратии множество сочинений психологов, апеллирующих к З. Фрейду, но вряд ли его читавших. Миф о животной сущности человека постулирует неизменность сложившихся социальных отношений, так как они якобы соответствуют биологии нашего вида (об ошибочности этого мы уже писали в начале статьи). Данный миф поставляется обычно в комплекте с мифами о вреде прогресса, о герое-одиночке и т. п.

19. *Смена кумиров.* Это не самостоятельный миф, а часть практически всех перечисленных мифов, развивающая используемый бюрократией прием «Найди другим кумира». Медиакратия дополнила его диалектической противоположностью — регулярным ниспровержением всех и всяческих авторитетов. Этим достигается уничтожение негативного (для желающих присваивать ста-

тус) эффекта от возвеличивания «идолов» — нивелировки статусной разницы между заурядными представителями суперстатусного класса и их жертвами. За счет постоянной смены авторитетов возможности реализовать себя в плане присвоения статуса существенно расширяются, а жадность общества к чужому статусу повышается. «А, так N.N. вовсе не был гением, но имел то-то и то-то? Я тоже не гений... Значит, я тоже могу иметь все это. За счет других».

При рассмотрении всех мифов нельзя упускать из виду эффект направленности при относительных изменениях статуса. Если тот или иной миф, на первый взгляд, перераспределяет статус инженеров или учителей не в пользу бюрократии и медиакратии, а, например, в пользу криминала или лженауки, то «не верь глазам своим». Львиная доля украденного перейдет именно к суперстатусному классу, так как именно он находится с субстатусным классом в состоянии самого жестокого противоречия. То же самое можно сказать о присвоении национальными диаспорами статуса русского народа — значительная часть похищенного статуса перетекает к правящей бюрократии, так как абсолютное большинство членов субстатусного класса русские. Некоторым аналогом этого неочевидного процесса является образование средней нормы прибыли в марксистской политэкономии.

В дополнение к перечисленным мифам медиакратией используются классические приемы манипулирования информацией, например, «правильная» последовательность подачи фактов, использование позитивной и негативной лексики по отношению к различным событиям, ссылки на «компетентные источники» для придания правдоподобия сомнительным сообщениям, преувеличение исключений и преуменьшение типичного и т. п. Рассмотрение этих приемов не входит в нашу задачу. Для нас важнее отметить, что все мифы, способствующие присвоению статуса, имеют своим источником господствующую в обществе систему ценностей. В то же время, каждый новый тираж Мифа углубляет трансформацию системы ценностей в нужном эксплуататорам направлении. Соответственно, Миф не может быть уничтожен без существенного изменения современной этики.

7. Делёж присвоенного статуса

Отнятый у инженеров, ученых, врачей и учителей статус подвергается дальнейшему дележу. За него идет отчаянная грызня на всех уровнях суперстатусного класса. Характерно, что при этом используются в точности те же приемы, что при первичной экспроприации статуса. При капитализме было не так — конкуренция в среде буржуазии имела совершенно другой вид, чем присвоение прибавочного труда. Сейчас же совершенно нормально, когда вышестоящий начальник при всех беспощадно распекает нижестоящего, хоть бы тот ему в отцы годился. И этот нижестоящий все равно будет счастлив ходить к Главному на совещания, потому что подчиненные не видят его унижения и позволяют проделывать с собой то же самое. Большая часть отнимаемого бюрократам у подчиненных статуса отнимается у него самого Главным, а у Главного — Самым Главным. В среде медиакратии дележу награбленного способствуют специально созданные мифы, например, о разделении работников искусства на особо одаренных «звезд» и «попсу».

Присвоенный у эксплуатируемого класса статус достается не только бюрократии и медиакратии. Другими претендентами являются:

- члены семей бюрократов и медиакратов;
- их прислуга и так называемый «элитный сервис», которым из-за высоких цен не могут пользоваться обычные люди;
- социальные группы и группки, из которых пополняются ряды бюрократии и медиакратии.

С членами семьи вообще интересно получается. Для всех предыдущих эксплуатирующих классов члены семей были просто нахлебниками. Жены и дети не владели капиталом, а получали свою долю прибавочной стоимости из рук отца семейства. Со статусом, на первый взгляд, то же самое. Жена какого-нибудь чиновника И.П. Сидорова и его дети имеют высокий общественный статус, так как его имеет сам Сидоров. Но, в то же время, в силу свойства наследуемости статуса, они и сами присваивают статус других людей. Мадам Сидорова посещает престижные магазины, салоны красоты и рестораны, где собира-

ются «сливки общества». От этого одновременно растёт статус заведения (отбрасывается статус у простой закуской и её работников) и статус самой Сидоровой (убывает статус у её однофамилицы, вышедшей замуж за инженера). Дети Сидорова учатся в «элитной» школе — повышается статус этой школы по сравнению со школой, в которой учатся дети инженера и, вместе с ней, статус его детей — они же не учились в одном классе с детьми Главного! Заодно понижается статус учителей, которые учат инженерских детей, даже если они делают это лучше коллег из «элитной» школы. Имеет место также и обратный процесс, когда статус самого И.П. Сидорова повышается только по той причине, что его дети ходят в элитную школу, а жена — в один салон красоты с... (вставить нужную фамилию). Так что отнести семью Ивана Петровича к сравнительно безобидным захребетникам нельзя, для инженера Сидорова они столь же активные классовые враги, как и Сидоров-бюрократ.

Как видим, члены семей эксплуататоров и их обслуга тесно связаны — и те, и другие участвуют в присвоении статуса, но только до тех пор, пока высок статус человека, от которого они унаследовали свой. Что же касается потенциального пополнения суперстатусного класса, то он представлен, с одной стороны, «офисным планктоном», а с другой теми представителями коммуникативной группы, которые не вошли в медиакратию. К «планктону» мы относим мелких служащих (клерков), которые не допущены к принятию хоть каких-то решений и, следовательно, не имеют отношения к антагонистическому противоречию с субстатусным классом (более подробно о нем будет сказано ниже). Не вошедшие в медиакратию представители коммуникативной группы — это непризнанные или малотиражные писатели, юристы, консультанты всех мастей и т. п. Их роль в создании вышеперечисленных мифов пренебрежимо мала, поэтому и их можно считать непричастными к противоречию с учеными, инженерами и учителями. Тем не менее, статус и «планктона», и гуманитариев-неудачников порядком завышен из-за социальной близости к действительным эксплуататорам. Но если, с нашей точки зрения, «офисный планктон» совершенно безнадежен в смысле союза с субстатусным классом, то отдельные пред-

ставители коммуникативной группы могли бы оказать ему неоценимую помощь в разрушении враждебной мифологии.

Присвоение статуса создает в обществе непримиримое, иначе говоря, антагонистическое противоречие. Бюрократия и медиакратия не в состоянии существовать, не присваивая статус научно-технической и гуманитарной социальной групп, но не могут и обойтись без них. Следовательно, они толкают эксплуатируемых на борьбу. Эта борьба принимает вид столкновения за право принятия правильных профессиональных решений в случае с бюрократией и борьбы за выгодную субстатусному классу систему ценностей в случае с медиакратией. Если эта борьба заканчивается поражением, то есть принимаются неверные решения или сохраняется выгодная эксплуататорам система ценностей, то любой труд субстатусного класса только укрепляет его угнетение. Развитие науки и техники в соответствии с указаниями безграмотного руководства ведет, во-первых, к неограниченному разбуханию этого руководства, а во-вторых, к краху разрабатываемых проектов. Вина за этот крах, в соответствии с существующей системой ценностей, будет возложена обществом не на бюрократов от науки и техники, а на инженеров и ученых «вообще», то есть преимущественно на исполнителей. Если учителя не в силах конкурировать со СМИ в борьбе за сознание учеников, то результаты обучения будут неизбежно плачевными, так как нельзя ничему научить ребенка при его активном нежелании. А бюрократы помогут медиакратам и дополнят фиаско тем или иным наказанием конкретного преподавателя или преподавательского корпуса в целом (очередной «реформой системы образования» или нищенским финансированием). Пока система ценностей имеет следствием постоянное давление стресса из-за всеобщего стремления присвоить чужой статус, любые усилия врачей не могут быть эффективными. Вслед за одним вылеченным заболеванием будет идти другое. Разумеется, наказаны за это будут сами медики — недостойным самой благородной профессии уровнем доходов и мнением «все врачи взяточники и неумехи». А бюрократия и медиакратия во всех случаях останутся чистенькими и повысят статус за счет снижения статуса своих классовых противников.

Все это не ново. Раб, крепостной, пролетарий своим трудом увеличивали обращенное против них могущество рабовладельца, феодала и капиталиста. Поэтому старый вывод продолжает сохранять актуальность: кто не рвет своих цепей, тот их кует. Третьего не дано.

8. Борьба с присвоением статуса

Поскольку субстатусный класс, в отличие от суперстатусного, вполне может существовать без спарринг-партнера, то победа, в конечном счете, должна остаться за ним. Но борьба будет нелегкой. Прежде всего, нужно понимать, что под словом «борьба» мы, по крайней мере, для обозримого будущего не подразумеваем создание тайных организаций или политических партий, и уж тем более вооруженное восстание. Силовое противостояние вообще может рассматриваться как самый крайний и нежелательный вариант, поскольку субстатусный класс состоит, откровенно говоря, не из солдат. Кроме того, нам невыгодно неизбежное при вооруженной борьбе разрушение инфраструктуры. Суперстатусный класс может, поступившись частью вещественных благ, существовать и на пепелище, так как разница статусов все равно будет обеспечивать ему преимущественное положение. Но пепелище на месте заводов и лабораторий совершенно непригодно для инженеров и ученых. И, наконец, главное. Насильственное свержение суперстатусного класса может не понадобиться, поскольку в основе его господства лежит не насилие и не владение, а легитимность. Иными словами, наша готовность подчиняться тому, кто больше знает и умеет. Суперстатусный класс присвоил себе роль много знающего и умеющего, а мы делаем вид, что верим в это или верим по настоящему, тут уж кто как.

Власть суперстатусного класса нелегитимна, потому что она зиждется на гигантском обмане, на присвоении статуса действительно знающих и умеющих. В «системе координат», связанной с присвоением статуса, у нас нет ни малейших шансов изменить ситуацию. Следовательно, нашей первой и главной задачей является разрушить эту «систему координат». Наше credo должно быть примерно таким: «Я не стану присваивать чужой статус и не буду терпим к тем, кто это делает» (привет А. Рэнд). Присвоение статуса происходит повсеместно и

ежесекундно? Что ж, таким же должно быть и противостояние ему. Начиная с того, что принято считать «мелочами», и до самых верхних уровней, на которых происходит дележ присвоенного статуса. «Мелочи», то есть присвоение статуса в ходе непосредственного общения, являются самой важной точкой приложения наших усилий. Ликвидация присвоения статуса только со стороны социальных верхов бесполезна, поскольку именно «внизу» готовятся кадры для бюрократии и медиакратии и без уничтожения их воспроизводства получится не революция, а очередной дворцовый переворот в рамках существующей общественно-экономической формации.

Немного упрощая изложенные выше приемы присвоения статуса, можно выделить самые характерные признаки того, что ваш статус присваивают. Это:

- оскорбления и хамство;
- насмешки, выходящие за пределы товарищеских отношений;
- ложь, обман и клевета;
- самовосхваление;
- переход во время дискуссии на личности;
- использование властных полномочий в качестве аргумента.

В борьбе со всем этим нам придется позабыть кое-что из того, что ошибочно именуют «вежливостью» или «умением ладить с людьми». Мы должны смеяться над хвастуном, давать отпор наглецу, преследовать клеветника. Принцип «не тронь навоз, и вонять не будет» на нас не распространяется. Вместе с тем мы не должны бояться уступить тому, кто умнее, не должны стыдиться признания ошибок или извинения.

Человек, живущий по принципам, отличающимся от повсеместно принятых, проживет недолго, если будет одинок. Поэтому мы должны всеми силами поддерживать друг друга. Наша организация будет принципиально отличаться от политических партий или так называемых «сетевых структур», выстраивающихся вокруг определенных идей. Идеи значат меньше, чем нравственное чувство, по крайней мере, в данный момент. Поэтому организация субстатусного класса, понимая максимально широко, должна объединять всех людей, придер-

живающихся необходимых для освобождения этого класса этических принципов. Но мы не претендуем на единство других элементов индивидуальных систем ценностей — на религиозные убеждения, национальную культуру или приверженность существующим политическим партиям. Мы должны, преодолевая ложную гордость, поддерживать приверженцев других принципов, если в самом важном — в неприятии присвоения статуса — они с нами. Конечно, речь идет о действительном, а не о показном неприятии. Так, любые проявления национализма, если даже они будут одобрены самыми правильными высказываниями о борьбе с бюрократией и медиакратией, не могут быть нами приняты, поскольку национализм представляет собой как раз присвоение статуса (а затем прав, свобод и имущества) других народов в пользу своего. То же самое можно сказать и о противниках технического прогресса или адептах лженауки. Сколько бы они не говорили про необходимость распределения статуса по заслугам, на самом деле они помогают отнимать статус у ученых и инженеров.

Общность, основанная на этических принципах, неизбежно породит группировки различной идейной, а тем более политической направленности. Это не должно нас пугать, мы помним, что чем в большем числе социумов состоит человек, тем выше его статус. Можно предположить, что появятся следующие направления:

- научные/инженерные сообщества;
- образовательные сообщества;
- неполитические общественные организации;
- политические организации;
- культурные/просветительские/досуговые сообщества.

Перечисленные группировки будут объединять людей как непосредственно, так и через компьютерные сети. Разумеется, организованный характер приобретет только часть этической общности, другая часть останется атомизированным резервом или будет участвовать в организациях эпизодически.

Появление организованных социумов из этической общности поставит вопрос о сегрегации, то есть о разделении наших интересов с интересами других

социальных групп. Это необходимо, например, для принятия правильных решений об участии в политическом процессе. Ни одна из существующих политических партий не защищает интересов субстатусного класса. Из этого не следует, что мы не должны участвовать в выборах, но наши приоритеты должны ранжироваться по принципу «не навреди». Иными словами, в интересах субстатусного класса победа тех сил из имеющихся в наличии, которые будут присваивать статус в наименьшей степени. Это условие однозначно исключает всех националистов (по приведенным выше причинам) и «Единую Россию» как партию бюрократии и медиаратии. Все остальные, от либералов до коммунистов, не принесут нам ни пользы, ни существенного вреда, поэтому выбор между ними — личное дело каждого.

Специфическим интересом субстатусного класса является развитие страны (и человечества в целом) по пути научно-технического прогресса. К сожалению, в настоящее время в составе нашего класса имеется немало людей, прежде всего, врачей и учителей, не разделяющих этот тезис. Это демонстрирует эффективность антипрогрессистского мифа вкупе с мифами о духовности, о бессиллии науки и др. Между тем, заинтересованность субстатусного класса в техническом прогрессе является объективной, так как наш класс востребован только на определенном, весьма высоком этапе развития производительных сил. Аграрному обществу не нужны инженеры и ученые, а потребность во врачах и учителях там сведена к минимуму по причине примитивности необходимого людям набора знаний и малой продолжительности жизни. И наоборот, чем выше уровень технологического развития, тем выше потребность в нас у других слоев общества. Кроме того, технический прогресс повышает потребность друг в друге обеих социальных групп, составляющих субстатусный класс. Чем более развиты наука и техника, тем больше нужно учителей, чтобы подготовить новых инженеров и ученых. Чем больший объем знаний нужен для их подготовки, тем длиннее должен быть активный период жизни. Но ведь это и есть основная задача медицины, которая не может быть решена без самого высокого уровня развития науки и техники, без тех же инженеров и ученых! Так замыкается круг,

так технический прогресс неразрывно связывает нас, выковывает единство субстатусного класса и, следовательно, его силу.

Осознание субстатусным классом своих насущных интересов не обеспечит ему автоматическую победу. О каких-то конкретных рецептах говорить пока слишком рано, но очевидно, что существует необходимость противостояния Мифу. Нам нужен Контрмиф, раз уж Миф не восприимчив к рациональной критике. Разумеется, Контрмиф отнюдь не призван подменить собой интеллектуальные усилия познать реальность, а должен дополнить их художественными изобразительными средствами. Составными частями Контрмифа могли бы стать:

- пропаганда технического и социального прогресса;
- раскрытие объективных законов развития мира и социума;
- изображение представителей субстатусного класса в качестве главных героев;
- изображение представителей суперстатусного класса как антигероев;
- идея общности людей в противовес героям-одиночкам.

Субстатусный класс отчаянно нуждается в формировании в общественном сознании такой картины будущего, в которой он бы занимал самое важное место. Контрмиф может существовать в любых художественных формах, не требующих чрезмерных затрат — в виде литературных произведений, картин, компьютерных игр, «малых форм» кино вроде мультфильмов и видеоклипов. Создание Контрмифа должно стать главной задачей той части коммуникативной социальной группы, которая не вошла в медиакратию и захочет стать союзницей субстатусного класса. Установление контакта с «париями» коммуникативной группы — наша важнейшая задача.

Итак, суммируем. Преодоление системы присвоения статуса возможно на основе общности людей с этическими ценностями, исключаящими это присвоение. От этической общности путь пролегает к организационному многообразию, от осознания собственных интересов — к Контрмифу, наглядно выра-

жающему эти интересы. Что делать дальше, будет видно, когда пройдем первые километры по нехоженому никем пути.

В заключение отметим положительные и отрицательные стороны общества статуса по сравнению с прежде существовавшими формациями. Что касается производительных сил, то здесь все очевидно. Впервые развитая часть человечества наелась досыта. Про производственные отношения можно сказать, что их основной особенностью в обществе статуса является «очеловечивание», они снова, после многих тысяч лет господства частной собственности, носят межличностный характер. Это, безусловно, приближает нас к социальной справедливости. С другой стороны, эксплуатация в обществе статуса из грубого насилия превращается в невиданный по масштабам и изощренности обман, требующий от пострадавших, вдобавок, самообмана. Такая эксплуатация хорошо замаскирована и требует немалых усилий только для того, чтобы быть обнаруженной. И все же положительные стороны общества статуса перевешивают отрицательные. Если в социальных взаимоотношениях все более важную роль играют сами люди, а не их имущество, это не может не внушать оптимизма. Ведь самое надежное, что есть на Земле — это человеческое упорство и сила духа, уверенность в своей правоте и готовность ее защищать. Как морские бури начинаются с легкого, но упрямого ветерка, так штормы истории с тихого и непоколебимого «На этом я стою и не могу иначе». Все прочее приложится.

И. Князев, О. Строгов, инженеры

<http://экономикаизобилия.рф>

strogov1980@yandex.ru

economax@yandex.ru